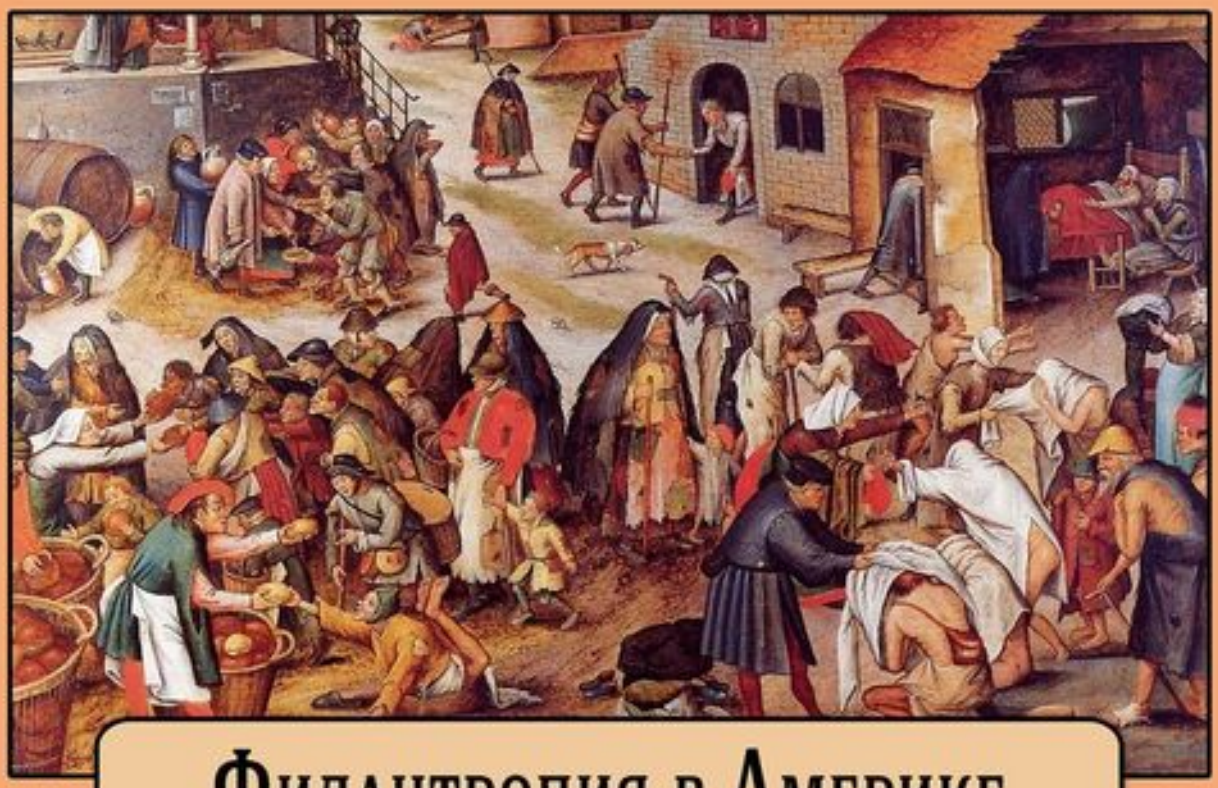
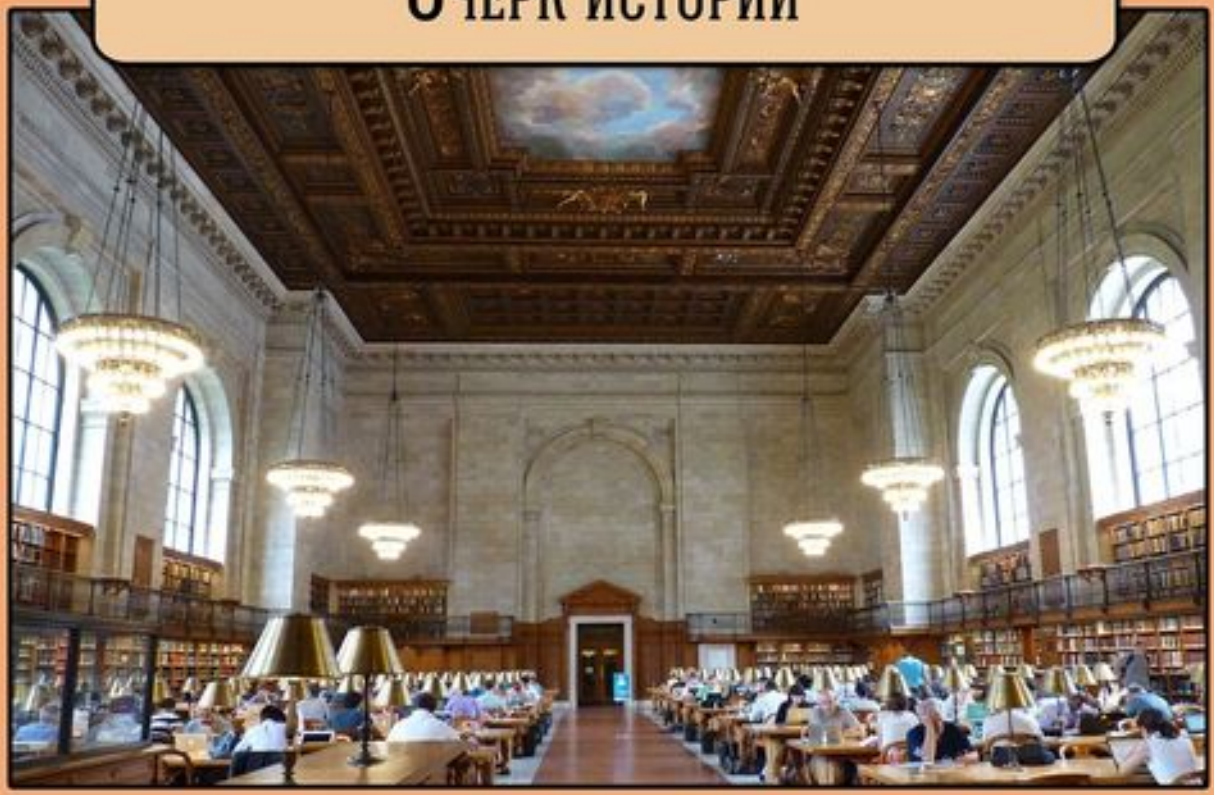
Фридрих Фурман



Филантропия в Америке

Очерк истории



Фридрих Фурман

Филантропия в Америке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11831470
ISBN 978-5-4474-2350-6

Аннотация

Книга о том, как в Новом Свете за четыре века его истории – от эры колоний до наших дней – у общечеловеческих явлений благотворительности и филантропии сформировался неповторимый американский облик и как они, достигнув здесь зрелости, своеобразно выглядят сейчас. Книга является второй из публикуемых в России работ автора, посвященных американской филантропии. Первая из них – «Как работает филантропия в США» – была издана в июне 2015 года.

Содержание

Предисловие 5
Введение 7
1. Европейские идеи и их развитие в Новом Свете 33
2. Филантропия в колониях и после революции 42
Колониальная эра 42
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Филантропия в Америке
Очерк истории
Фридрих Фурман

© Фридрих Фурман, 2015
© Екатерина Фурман, дизайн обложки, 2015

Корректор Елена Святская
Корректор Дмитрий Фурман
Редактор Фридрих Фурман

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Предисловие

Книга «Филантропия в Америке: очерк истории» является второй из публикуемых в России книг, посвященных американской филантропии. Первая из них – «Как работает филантропия в США» – была опубликована в 2015 году и предлагается на сайтах Litres.ru и Ozon.ru. Обе книги основаны на изданной в США в одном томе книге автора на русском языке «О филантропии в Америке: от эры колоний до наших дней» (2013)[1].

Цель обоих российских изданий – приблизить книгу, опубликованную в 2013 году, к заинтересованным читателям в России и других странах, имея в виду, что сейчас она доступна покупателям только на сайте Amazon.com и доставляется им с трудностями.

Предлагаемый в настоящей книге очерк истории американской филантропии дополнен – в сравнении с изданием 2013 года – вводной главой, в которой рассмотрена эволюция исследований этой сферы в последние примерно сто лет. Это позволит читателям нагляднее представить себе не только проблемы изучения филантропии и ее истории учеными и практиками в США, но и трудности, с которыми столкнулся автор, рассказывая о ее развитии за 4 века американской истории. О содержании остальных глав можно судить по их названиям в оглавлении.

В книге проведено необходимое – в сравнении с изданием 2013 года – уточнение структуры текста и его редакционная правка. Помимо постраничных примечаний, в конце книги представлен полный список использованной при подготовке книги литературы. Библиографическое описание источников в примечаниях и списке литературы дается в соответствии с «чикагским стандартом» (Chicago Manual of Style). В конце книги приведены оглавление и информация об авторе на английском языке. При цитировании или изложении текстов из англоязычных источников они даны в переводе автора со ссылкой на их первоисточник. В тех случаях, когда используются опубликованные переводы англоязычных источников на русский язык, на них даются свои ссылки.

Настоящая книга может быть интересна и полезна различной читательской аудитории в России и других странах постсоветского пространства. В первую очередь, работникам и волонтерам сферы благотворительных и некоммерческих организаций, филантропических фондов и всей инфраструктуры третьего сектора и гражданского общества, складывающихся в этих странах в последние десятилетия.

Книга может также заинтересовать студентов вузов, обучающихся по различным специальностям экономики и менеджмента организаций этой сферы; работников органов власти, регулирующих их деятельность; исследователей в научных и учебных организациях; работников медиа сферы, освещающих проблемы этой сферы как дома, так и в остальном мире.

***

Считаю своим долгом сердечно поблагодарить всех, кто помогал мне подготовить и осуществить публикацию книги об истории филантропии в Америке.

Хочу вновь искренне поблагодарить за позитивную оценку ее первого издания (2013) и поддержку идеи о ее российской публикации ученых и общественных деятелей из Москвы – *Мерсиянову И. В., Бачинскую Т. Я., Апресяна Р. Г., Зевелева И. А. и Бахмина В. И*.

[1] С оглавлением, предисловием и другими частями книги (выборочно) можно ознакомиться на сайте Amazon.com, отыскав ее здесь по названию – On Philanthropy in America: From the Colonial Era to the Present Day (Russian edition with English Summary and Table of Contents).

Сердечно признателен за ценные консультации и техническую поддержку в процессе издания книги и ее продвижения новаторский коллектив российской компании Ridero.ru во главе с *А. Гавриловым* и *А. Касьяненко*.

Искренне признателен *Роману Иванову* (Москва), активно продвигающему этот российский проект в жизнь, *Дмитрию и Катерине Фурман, Александру Бейгельману* (Нью-Йорк) за их доброжелательную и высокопрофессиональную компьютерную и дизайнерскую поддержку издания, *Ирине Ивановой* (Екатеринбург) за ее искренний интерес к моим издательским проектам и помощь в их продвижении. Особая благодарность *Елене Святской*, моей жене, которая, как и ранее, была моим терпеливым помощником и заботливым ангелом-хранителем.

Хотел бы здесь вновь выразить признательность всем, кто помог мне подготовить и опубликовать первое издание книги в 2013 году – без этих людей не было бы и настоящей публикации. В конце этой книги размещен опубликованный в первом издании текст благодарностей, в который внесен ряд уточнений.

Конечно, я несу ответственность за все ошибки и упущения, наверняка имеющиеся в книге, и буду благодарен за замечания и предложения, которые можно направить по адресу – fridrikhfurman@gmail.com

***

Примерно на месяц раньше сдачи этой книги в печать родилась наша новая внучка – *Александра Фурман*, радостное ожидание которой очень помогло мне справиться с трудностями «рождения» этой публикации.

Ей я эту книгу и посвящаю.

Введение
К истории исследований филантропии в США

Приступая к очерку истории филантропии в Америке, автор счел необходимым предпослать ему вводную главу, в которой предпринята попытка, используя доступные источники и опираясь на общеисторический контекст, рассказать об эволюции исследований американской филантропии в последние примерно сто лет.

В начале 20 века учебные программы, обозначаемые как «филантропия» или «благотворительность», чаще всего можно было встретить в университетских курсах по социальной работе и социологии. Здесь они рассматривались как методы улучшения социальных условий жизни широких масс, особенно бедноты, проводимые добровольческими ассоциациями и богатыми деловыми людьми в партнерстве с местной властью. Вплоть до 2-й мировой войны исследование в университетах проблем филантропии, включая ее историю, было рассредоточено по многим дисциплинам и не считалось в США областью, заслуживающей систематического изучения и целевого финансирования. Тем более создания для них специальных учебных программ, не говоря уже о кафедрах или факультетах. Все это может показаться странным, имея в виду, что именно пожертвования частных лиц и филантропических фондов сыграли решающую роль в становлении американского высшего образования[2].

Пытаясь объяснить этот парадокс, историк Питер Холл (Peter D. Hall) утверждает, что серьезного интереса к этому в первой половине 20-го века не было ни у лидеров филантропии, ни в среде ученых из университетов. Фонды, особенно такие крупные как Карнеги, Рокфеллер и Форд, находясь со времени своего появления под огнем критики левых организаций, ищущих популярности политиков и журналистов из когорты «разгребателей грязи», опасались допускать кого-либо к своим архивам и почти не давали денег университетам для независимых исследований своей практической деятельности и роли в обществе.

Ученые, в свою очередь, уклонялись от спонсируемых фондами исследований филантропии, ибо это влекло за собой неизбежную вовлеченность в политически опасную проблему богатства и власти. К тому же участие в таких специальных исследованиях, финансируемых частными лицами и фондами, столь же неотвратимо ставило угрожающий репутации и карьере ученых вопрос о том, в чьих интересах они работают[3].

В итоге вплоть до 50-х годов исследования благотворительности и филантропии в США проходили в университетах и фондах двумя почти независимыми потоками.

В университетах ими на диссертационном уровне занимались специалисты почти всего спектра гуманитарных наук. В течение первых 75 лет прошлого века студенты примерно 40 университетов и колледжей подготовили по разным аспектам благотворительности и филантропии более 80 диссертаций. Они распределились между дисциплинами следующим образом – история (22), образование (13), социология (11), экономика (5), их выполняли также в рамках дисциплин делового администрирования, политологии, религиоведения, социальной работы, здравоохранения, антропологии, инженерии, права и литературы (от 4 до 1 в каждой). Многие из молодых диссертантов стали впоследствии известными учеными в этой сфере[4].

---

[2] *Charity, Philanthropy, and Civility in American History, Lawrence J. Friedman*, Mark D. McGarvie, editors, Cambridge University Press, 2003, p. 1. Далее – Friedman and McGarvie, 2003.

[3] Peter D. Hall, *Teaching and Research on Philanthropy, Voluntarism and Nonprofit Organizations*, Teachers College Records, Vol. 93, № 3, Spring 1992, pp. 403–435.http://www.hks.harvard.edu/fs/phall/Teachers_College_Record1.pdf

[4] Peter D. Hall, *The Work of Many Hands: A Response to Stanley N. Katz on the Origins of the «Serious Study» of Philanthropy*, Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly, vol. 28, no. 4, Dec. 1999, p. 522–534.

Столь широкий спектр областей, в рамках которых изучалась в тот ранний период филантропия, демонстрируя ее междисциплинарный характер, во многом объясняет довольно позднее становление ее как самостоятельной сферы исследований.

Исследование проблем практической филантропии, прежде всего, организационных, правовых и политических, находилось почти исключительно в руках людей из фондов, работающих в их штате или обслуживающих их интересы, но не связанных с наукой. Ярким примером тому является деятельность *Фрэнка Эмерсона Эндрюса* (F. Emerson Andrews), многолетнего (1928–1969) работника и консультанта фонда Рассел Сейдж (Russell Sage Foundation) и первого директора Центра фондов (Foundation Center). Убежденный защитник и яркий популяризатор филантропии, стойкий и прагматичный апологет фондов, скрупулезный описатель их истории и важной роли в американской жизни, Эндрюс сыграл важную роль в организации инфраструктуры фондов в США. Его многочисленные публикации, хотя и не относят к строго научным, стали важным источником информации о ранней стадии истории фондов и третьего сектора в целом.

Поскольку фонд Рассел Сейдж рассматривал филантропию как важный элемент публичной политики социального благополучия и сферы социальных исследований, Ф. Э. Эндрюс инициировал в 40—50-х годах подготовку и публикацию серии новаторских для того времени работ о филантропии и фондах. Среди них книги об американских фондах и их месте в социальном благополучии (1946), об истории фонда Рассел Сейдж (1947), о «теории и практике» филантропических пожертвований для доноров (1950), о корпоративной благотворительности (1952), об отношениях к благотворительности в обществе (1953), о филантропических фондах (1956), о правительственной политике в отношении фондов (1968), о конгрессмене Патмане и его походе против фондов (1969). Эндрюс был также редактором первого «Справочника фондов» (Foundation Directory, 1967), основателем и редактором «Новостей фондов» (Foundation News), первым директором Центра фондов (Foundation Center, при основании – Foundation Library Center, 1969). Его автобиография 1973 года – наиболее ценный первоисточник о состоянии филантропии и политике в отношении к ее организациям в середине столетия[5].

***

Однако, о чем бы ни писали в университетских диссертациях, в публикациях деятелей фондов и независимых авторов, они не оказывали серьезного влияния на отрицательное отношение массы американцев к фондовой филантропии, особенно в радикальные годы Великой Депрессии. Большинство людей, пишущих и выступающих публично на эту тему, осуждало, разоблачало или вовсе очерняло деятельность фондов, их доноров и менеджеров (у последних была уничижительная кличка «филантропоиды»), ставило под сомнение мотивы и результаты их благотворительных акций. Считалось, что почти все они занимались махинациями с налогами на доход, укрытием в фондах, причем «навечно», богатства, оставляемого наследникам, использованием огромных активов фондов, особенно крупных, для подкупа в своих интересах политиков наверху или на местах.

Необходимость в независимых и открытых научных исследованиях филантропии, требовавших соединения усилий университетов и фондов, стала особенно наглядной в 40—50-е годы, когда окружающая фонды неблагоприятная обстановка еще более обострилась.

В 1943 году был принят вызванный военными нуждами закон об универсальном налоге на доход для всех имеющих его американцев (до этого подоходный налог платили лишь 4 % населения с высокими и сверхвысокими доходами). Это пробудило массовый и пристрастный интерес к проблеме справедливости освобождения богатых доноров филантропии от

[5] Peter D. Hall, *The Work of Many Hands*, p. 522–534, Note 2.

налогов и появление популистских требований дать налоговые льготы всем или забрать их у богачей[6].

Но более всего усилил неблагоприятную ситуацию вокруг филантропических фондов рост в США послевоенного антикоммунизма. В 1945 году активизирует работу комитет Палаты представителей по антиамериканской деятельности (House Un-American Activities Committee – HUAC), начавший расследование принадлежности к «коммунистическому фронту» – к нему относили компартию США и сеть поддерживающих ее организаций, ассоциаций и групп – видных американских деятелей среди интеллектуальной элиты. В 1947 году связи с усилением «красной угрозы», вызванной началом холодной войны, генеральный прокурор США публикует список сотен «подрывных организаций», так или иначе связанных с коммунистами. Президент Трумэн создает правительственный Совет по массовой проверке лояльности госслужащих с составлением «черных списков» тех, кого следует уволить или отправить в отставку.

Вскоре волна враждебности добралась и до филантропических фондов. Особые неприятности начались для них в 1948 году, когда HUAC предпринял расследование деятельности «в качестве коммуниста и советского агента» Элджера Хисса, поразившее тогда всю Америку. Э. Хисс был с 1946 года президентом Фонда Карнеги по международному миру – одной из самых влиятельных частных организаций в сфере внешней политики. А еще ранее, с конца 30-х, видным сотрудником Госдепартамента, участвовавшим в Ялтинской конференции, курировавшим от США создание в 1945 году ООН и даже состоявшим короткое время ее первым председателем.

Как утверждает известный американский правовед Дуглас Линдер (Douglas Linder) – автор популярного вебсайта *Famous Trials*, ни одно уголовное дело не имело столь далеко идущих последствий в современной американской политике, как дело о шпионаже Элджера Хисса. Это знаменитое дело так в то время заворожило американцев, что позволило резко усилить ранее развернувшуюся в стране мощную антикоммунистическую истерию. И именно оно катапультировало карьеру малоизвестного тогда конгрессмена Ричарда Никсона, сыгравшего в нем ключевую роль следователя, позволило создать сцену для начавшейся в 1953 году печально знаменитой новой компании «охоты за коммунистами» сенатора Джозефа Маккарти, а также обозначило начало того консервативного движения, что однажды привело в Белый дом Рональда Рейгана[7].

Громкое дело Хисса дало мощный толчок еще раньше начавшемуся походу против филантропических фондов, число которых в 1946 году составило 27500, увеличившись вдвое с 1939 года. Среди политиков, журналистов и многих американцев сложилось постоянно растущее подозрение ко всей их деятельности, прежде всего, к политической окраске их грантовой политики[8].

Обвинения фондов в «прокоммунистической ориентации» усилились в начале 50-х в связи с правозащитной деятельностью ряда филантропических организаций, в частности, «Фонда за Республику» (The Fund for the Rebublic). В годы организованной сенатором Маккарти «охоты на коммунистов», активисты фонда собрали и опубликовали, используя гранты Форда и Карнеги, а также поддержку университетских ученых, свидетельства сотен безвинно пострадавших – униженных, уволенных, разоренных и осужденных американцев –

[6] Подробнее об этом периоде см. главу 8 настоящей книги – раздел *Третий сектор под прессом консерваторов.*

[7] Douglas, Linder, *The Trials of Alger Hiss: A Commentary*, 2007. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1027997.

[8] Peter D. Hall, *Philanthropy, the Welfare State, and the Transformation of American Public and Private Institutions, 1945–2000* http://presnick.people.si.umich.edu/courses/winter02/575/docs/DobkinHall.pdf

с тем, чтобы добиться пересмотра их дел, прекратить необоснованные, часто жестокие (по американским меркам) преследования и остановить массовую истерию в обществе[9].

Вскоре филантропические фонды стали объектом двух активных расследований Конгресса – в 1952 году еще сравнительно миролюбивой комиссией Кокса, а в 1954 году особенно агрессивной комиссией Риса. Обе требовали разобраться, во-первых, с их деятельностью фондов в стране и за ее пределами в пользу международного коммунизма, во-вторых, с использованием для этих подрывных целей средств американских налогоплательщиков, имея в виду их льготы по налогам, в-третьих, с незаконным использованием механизма льгот для благотворительных организаций с целью укрытия от налогов крупных наследуемых богатств[10]. В 50-е годы фондам и всему рождающемуся третьему сектору удалось устоять, в первую очередь, из-за падения маккартизма и общего смягчения обстановки в стране. Свою роль сыграли также проникновенные речи на слушаниях в Конгрессе лидеров крупных фондов и ревнителей волонтерства и филантропии из бизнеса и университетов, особенно упиравших на отцов-основателей, Библию и А. де Токвиля. Главным успехом стало опровержение участия фондов в прокоммунистической деятельности. Но то, что из обвинений осталось, а это были правовые и финансовые злоупотребления в этой сфере, означало возможность новых нападок на организованную филантропию и стремительно растущий мир бесприбыльных организаций.

***

Наиболее дальновидным деятелям фондов стало ясно, что необходима упреждающая организация специальных исследований всей сферы. Следовало обосновать укорененность не только традиционной благотворительности, но и новой фондовой филантропии в американской истории, уместность этой обновленной «третьей силы» в послевоенной экономике и социальной политике, необходимость ее растущего партнерства с государством и бизнесом, поддержку этой сферы пожертвованиями и налоговыми льготами, грантами и контрактами.

Призыв начать подобные исследования пришел, однако, не от университетов, у которых были свои нелегкие испытания в эпоху маккартизма, а от осознавших потребность в их поддержке лидеров фондов.

В 1955 году Фрэнк Э. Эндрюс из фонда Расселл Сейдж, Джон Гарднер (John W. Gardner), президент фонда Карнеги и другие лидеры фондов подготовили создание организации, которая смогла бы стать «стратегической площадкой» для сбора и распространения информации о фондах. Созданный в 1956 году Foundation Library Center во главе с Эндрюсом, стал публиковать регулярно обновляемый справочник всех фондов (с 1960 г. – Foundation Directory) и двухмесячный журнал Foundation News.

В том же году Эндрюс привлек Мерле Курти (Merle Curti) из Висконсинского университета, ведущего ученого того времени в сфере социальной и интеллектуальной истории, для организации в Принстоне двухдневной встречи историков из нескольких университетов. Они пришли к заключению о «печальном дефиците исторических исследований филантропии» и острой нужде в «программе работ для будущих исследований» этой сферы[11].

Именно Принстонская встреча – и гранты, выделенные фондом Форда для М. Курти и других ученых – привели к потоку плодотворных работ, сыгравших важную роль в продвижении филантропии как самостоятельной сферы научных исследований. М. Курти стал в тот период идеологом и организатором систематических исследованием истории и соци-

---

[9] Среди большинства аналитиков той мрачной эпохи считается, что наиболее полная ее картина представлена в книге британского историка и писателя Дэвида Кота (David Caute) *The Greate Fear: The Anti-Communist Purge under Truman and Eisenhower*, Simon & Shuster, NY, 1978, 697 pp.

[10] Подробнее об этом периоде см. главу 8 настоящей книги – раздел *Третий сектор под прессом консерваторов.*

[11] Peter D. Hall, *Philanthropy and the Welfare State (1945–2000),* 2000.

альной природы филантропии в США. Если, как полагали многие консерваторы в Конгрессе и стране, фонды навязывают стране социализм, то следует, по мнению Курти, представить им и всей стране убедительные доказательства – прежде всего, исторического характера, – что они на самом деле продвигают в качестве альтернативы социализму организованную филантропию, поддерживая в новых формах истинно американские традиции благотворительности и добровольчества.

В 1957 году появилась программная статья М. Курти «История филантропии как сфера исследований», обосновавшая нужду в ее целенаправленном изучении и основные его направления[12].

В статье утверждалось, что филантропия во всей своей широте и разнообразии может быть раскрыта лишь в междисциплинарных исследованиях ее социальной истории. В число ее тем Курти включал религию и гуманизм, экономику и социальное обеспечение, корпорации и право, благотворительные организации и фандрайзинг, терминологию филантропии и биографии выдающихся филантропов.

В 1958 году Курти опубликовал эссе «Американская филантропия и национальный характер»[13]. Здесь Курти рассмотрел историю развития филантропии как одной из ключевых идей американской культуры и, отвечая тогдашним критикам и гонителям фондов, показал, что идея эта, издавна укорененная в характере американцев, с течением времени неизбежно меняет свои определения, формы и социальный смысл. И что в наши дни, кроме сострадания, милосердия и гуманности, эта идея включают в себя и назревшие социальные реформы. Отвергая праворадикальную критику фондов, Курти продвигал новое понимание филантропии. Она, по его мнению, является «ориентиром» (index) национального характера американцев, обозначающий стремление к социальному благополучию и одновременно – его «движущая сила» (agent), продвигающая социальные реформы, чтобы достичь этой цели.

Филантропические организации и доноры-индивиды в Америке именно этим и занимаются в качестве альтернативы социализму как советского, так и европейского типа. Чтобы продемонстрировать их лояльность к «американскому режиму» и способность сотрудничать с правительством в его зарубежных программах помощи, Курти опубликовал в 1963 году книгу «Американская филантропия за рубежом»[14]. Ее считают первым обширным и детальным исследованием истории филантропической поддержки «голодающего и умирающего мира» американским государством, добровольческими организациями и частными лицами за предшествующие 150 лет.

Важным следствием встречи в Принстоне и организационных усилий Эндрюса и Курти стала поддержка грантами фондов Форда и Рассел Сейдж работы известных гарвардских историков *Уинтропа Джордана* (Winthrop K. Jordan) и *Дэвида Оуэна* (David E. Owen), подготовивших знаменитую серию книг об истории филантропии в Англии за пять столетий: первый – за период 1480–1660 годов (вышла в 1959 г.), второй за период 1660–1960 годов (вышла в 1964 г.)[15]. Исследования благотворительности и филантропии в Англии – на «исторической родине» США – стали своего рода эталоном для историков, собирающимся заняться изучением эволюции тех же феноменов в Новом свете[16].

---

[12] Merle Curti, *The History of Philanthropy as a Field of Research*, The American Historical Review, Vol. 62, No. 2, Jan., 1957, pp. 352–363, http://www.jstor.org/stable/1845188

[13] Merle Curti, *American Philanthropy and the National Character*, American Quarterly Vol. 10, No. 4, Winter 1958, pp. 420–437, http://www.jstor.org/stable/2710584

[14] Merle Curti, *American Philanthropy Abroad*, 2nd ed., Transaction Publishers, 1988, 651 pp.

[15] – W. K. Jordan, *Philanthropy in England, 1480–1660: a Study of the Changing Pattern of English Social Aspirations,* George Allen & Unwin, 1959; – David Owen, *English Philanthropy, 1660–1960*, Belknap press of Harvard university press, 1964.

[16] David Hammack, *Waves of Historical Interest in Philanthropy and Civil Society*, HistPhil, June 24, 2015. http://histphil.org/2015/06/24/waves-of-historical-interest-in-philanthropy-and-civil-society/

***

На призыв Курти к систематизации исследований по истории филантропии в Америке одним из первых откликнулся *Роберт Бремнер* (Robert H. Bremner), его ученик, коллега и единомышленник. Еще в 1956 году Бремнер опубликовал книгу «Из глубин: открытие бедности в Соединенных Штатах», основанную на изучении не только социальной статистики, но и произведений литературы, искусства и популярной культуры[17].

В ней Бремнер исследовал, как Америка открыла для себя бедность в качестве социального явления, а не следствия персональной порочности, и как это открытие привело к социальным реформам конца 19-го и начала 20-го веков. Ту тему, которая практически перестала обсуждаться в годы послевоенного экономического подъема и осуждения «социальных излишеств» эры прогрессивизма и Нового курса Рузвельта. Изданная в 1956 году, за десятилетие до начала объявленной президентом Джонсоном «Войны с бедностью» и последующего взлета исследований, посвященных этой проблеме, книга эта до сих пор переиздается в качестве социальной классики[18].

Книга «Из глубин» стала для Бремнера одной из идейных и фактологических опор для его канонической работы «Американская филантропия»[19]. Появление этой сравнительно небольшой работы, вышедшей первым изданием в 1960 году, было обдуманным откликом на встречу историков в Принстоне, и смогла эта книга появиться, благодаря финансовой поддержке организовавших ее издание фондов.

Считается, что именно эта книга Бремнера положила начало систематическому изучению филантропии как специальной сферы исследований. «В то время, – писал в 1988 году, предваряя второе ее издание, *Дэниел Бурстин* (Daniel J. Boorstin), современник и единомышленник Курти и Бремнера, – это была остро необходимая работа, помогающая осознать и определить здешнюю филантропическую традицию. Она выдержала испытание временем и является до сих пор стандартным кратким обзором американской филантропии, который используют студенты и преподаватели, историки и исследователи, журналисты и политики. Бремнер не был ни сентиментальным ученым, что позднее ему приписывали, ни циничным „разгребателем грязи“, чем стало затем отличаться немало исследователей, выдвигающих на первый план пороки филантропии. Он был неутомимым и благожелательным историком, по-пионерски проложившим путь специальным и систематическим исследованиям филантропии в Америке»[20].

Бремнер и впоследствии подтвердил репутацию выдающегося знатока истории филантропии в Америке рядом других работ. Среди них подготовленный под его редакцией монументальный, в трех томах, труд «Дети и молодежь в Америке: документальная история» (1970), посвященный публичной политике в этой сфере от эры колоний до начала Великой Депрессии[21]. В 1980 году появляется работа «Общественное благо: филантропия и социальное благополучие в период Гражданской войны»[22].

Давний интерес к связи истории с литературой, искусством и фольклором позволил Бремнеру в 1994 году подготовить до сих пор знаменитую книгу «Благотворительность и филантропия в истории». Она представляет собой почти энциклопедическое собрание – от древности до нашего времени – историй и рассказов, стихов и баллад, отрывков из рома-

---

[17] Robert H. Bremner, *From the Depths: The Discovery of Poverty in the United States,* New York University Press, 1956.

[18] Alice O'Connor, *Robert Bremner's «From the Depths»: An Appreciation*, Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly, Sept. 2003, vol. 32, no. 3, pp. 441–443. http://nvs.sagepub.com/content/32/3/441.full.pdf+html

[19] Robert Bremner*, American Philanthropy,* University of Chicago Press, 1960 (1988). *Далее* – American Philanthropy, 1988.

[20] Daniel J. Boorstin, *Editor's Preface* – in Robert Bremner «American Philanthropy», 1988, pp. v– vi.

[21] *Children and Youth in America: A Documentary History*, 3 vols, Robert H. Bremner, editor, Harvard University Press, 1970.

[22] R. Bremner, *The Public Good: Philanthropy and Welfare in the Civil War*, Knopf, 1980.

нов, биографий и пьес, связанных с благотворительностью и филантропией и помещенных в биографический и исторический контекст[23].

И все же именно «Американская филантропия» была главной книгой Бремнера и всей историографии филантропии в США той поры. Она и завершила первую волну ее интерпретации, явившись фундаментом всех последующих работ по истории этой сферы. Бремнер был по убеждениям несгибаемым либералом старого закала и принадлежал, как и его наставник Мерле Курти, а среди их коллег Дэниел Бурстин, к послевоенной «школе консенсуса» в американской истории. За их спиной были конфликтная эра прогрессивизма начала века, полное страданий и радикализма время Великой Депрессии, кровавая Вторая мировая война, а вслед за ней – начало холодной войны с разгоревшейся в стране антикоммунистической «охотой на ведьм». Неудивительно, что историки этой школы пришли к заключению, что пора исследовать и интерпретировать американскую историю, исходя из того, что американцев объединяет, а не разъединяет. И что главным орудием «американского успеха» в истории является компромисс и консенсус, а не радикализм европейского свойства. Вот филантропия, ее доноры и организации, как раз и были одной из объединяющих сил, поскольку занимались активной публичной защитой не только бедных, но также ценностей и образа жизни всех американцев[24].

***

Место наследия Бремнера и других авторов этой школы в историографии американской филантропии, так же, как и последующие попытки его критики и даже развенчания, можно лучше всего понять в историческом контексте той эпохи.

В 60-е годы, на пороге которой вышла «Американская филантропия», заканчивалась эра «послевоенного процветания» в США, когда, на одном его полюсе впервые появившийся и преимущественно белый средний класс достиг высоких для той поры стандартов потребления и образования, а на другом – хронически бесправное и бедное черное меньшинство вело длившуюся десятилетие упорную борьбу за десегрегацию во всех областях жизни, гражданские права и доступ в «общество потребления».

Начавшийся после войны в белом обществе мировоззренческий конфликт «отцов и детей» вызвал в 50-е сравнительно мягкое протестное движение молодых «битников» (Beat generation) против господствующих «буржуазных ценностей» и потребительского образа жизни. В 60—70-е оно переросло в более радикальное движение, в котором слились несколько протестных потоков – против войны во Вьетнаме, «хиппи», «контркультуры» и «новых левых». И все они нередко смыкались с черным движением в городах за десегрегацию и гражданские права.

В этот штормовой период послевоенной американской истории идейным стандартом массовых движений на улицах и площадях городов, так же, как и в интеллектуальной жизни в университетских кампусах и ассоциациях ученых, среди издателей и авторов становится не компромисс и консенсус, а нонконформизм и радикализм. Его проповедниками в США становятся возглавляемые неомарксистом Г. Маркузе «новые левые», противопоставляющие себя «старым левым» – коммунистам, установившим тоталитарный режим в СССР, и социал-демократам, предавшим подлинные идеалы социализма. Долой все партии и профсоюзы, нет доверия парламентской оппозиции, так же, как и соглашательскому рабочему классу, отказавшемуся от революционных традиций ради большей зарплаты, участия в прибылях и высоких стандартов жизни. Все они есть часть «больного общества», захваченного

---

[23] R. Bremner, *Giving: Charity and Philanthropy in History*, Transaction Publishers, 1994.

[24] Наиболее полную оценку наследия Бремнера можно найти в материалах посвященному ему посмертного симпозиума 2003 года на страницах журнала ARNOVA: *Robert Bremner and the Study of Philanthropy in the United States: Four Appraisals.* Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly, vol. 32, no. 3, September 2003 439–449.

корпорациями военно-промышленного комплекса вкупе с элитой имперского государства и псевдофилантропических фондов. Лишь мобилизация маргинальных его слоев – бунтующей черной молодежи Юга и Севера, радикальных студентов в кампусах, бедствующих иммигрантов в городах, активистов молодежной «контркультуры» и им подобных, действующих как «городские партизаны», позволит это общество преобразовать.

Если в правление Эйзенхауэра (1953—61) – первого республиканца у власти с 1932 года – удалось под давлением консерваторов лишь компромиссом частично сохранить социальные завоевания Нового курса Рузвельта, то сменивший его демократ Кеннеди (1961—63), а затем Джонсон (1963—69) вынуждены были в ситуации массового давления снизу провести серию новых, радикальных для США того времени, социальных реформ (программы «Великое общество» и «Война с бедностью», рождение Медикейда и социального обеспечения малоимущих), вызвавших новую линию раскола в обществе.

Стоит напомнить, наконец, что на внешнем фронте 60-е годы были временем Кубинского кризиса – пика холодной войны, едва не перешедшей тогда в горячую стадию, а также начавшегося еще в 50-е и усилившегося с 1961 года скрытого участия американцев в гражданской войне во Вьетнаме. В 1965 году оно переросло – для «сдерживания коммунизма» в Индокитае – в полномасштабную войну, закончившуюся в 1973 году выводом войск и фактическим поражением США, а затем – долгим и мучительным «вьетнамским синдромом» в общественном сознании и политической жизни Америки.

Как на этом полном внутренних и внешних конфликтов историческом фоне развивалась жизнь американской филантропии, ее наиболее критикуемых, временами «публично избиваемых», но продолжающих расти числом и мощью созданий – частных филантропических фондов? После временного затишья в 50-е в связи с крахом маккартизма и неудачей расследований в комитетах Кокса и Риса, а также примирительного в целом правления Эйзенхауэра, 60—70-е стали и для бурно растущей организованной филантропии, а для крупных фондов, в особенности, временем нелегких испытаний.

***

Наступление на фонды началось как слева, так и справа.

Атаке *слева* подверглась историческая концепция школы консенсуса. Молодое поколение социальных историков, пришедшее на смену Курти, Бремнеру, Бурстину, принадлежало в большинстве своем к «новым левым», исповедовавшим, как уже говорилось, идею «Большого Отказа» от прошлого и требовавшим перевернуть историю «с ног на голову». Они сочли ошибочным представление «старых классиков» о том, что в течении *всей* своей истории американцы исповедовали ценности либерального капитализма, политической демократии и неограниченного рынка. Устаревшим стало считаться и их представление об исключительной филантропической щедрости как об одном из определяющих свойств национального характера *всех* американцев. Эти взгляды, мол, не учитывают всей глубины конфликтов между социальными классами и группами, белыми и черными, богатыми и бедными, мужчинами и женщинами, не принимают во внимание угнетение прав различных меньшинств. Многие историки вернулись к взглядам прогрессистской «школы конфликта» начала 19-го и первой трети 20 века, когда становление промышленного капитализма в США сопровождали классовые и иные социальные конфликты. Откликнувшись на идеи и опыт массовых движений за расовое и социальное равенство 60—70-х гг., новое поколение историков утверждало, что не только прошлая история Америки, но и ее современность по-прежнему полна социальных, расовых и иных конфликтов. И что именно поэтому следует заново интерпретировать понимание филантропии и ее место в их разрешении.

Первая волна новой интерпретации истории филантропии возникла, по мнению историка Л. Фридмана, как раз в этот период[25]. Так, Клиффорд Гриффин (Clifford S. Griffin), социальный историк, и Дэвид Ротман (David J. Rothman), врач и историк социальной медицины, отошли от традиции Бремнера считать, что филантропы озабочены прежде всего благополучием общества в целом. К. Гриффин в книге «Своих братьев сторожа: нравственное попечительство в Соединенных Штатах, 1800–1865» (вышла в 1960 г.) писал о нередко фанатичной и беспощадной к человеку войне благотворительных обществ за исправление общественной морали[26]. Д. Ротман в книге «Рождение психиатрической лечебницы» (1971) описывал устрашающую практику психбольниц, тюрем и приютов для бедных в колониях и новой республике[27].

В этих и сходных работах «новые историки» продвигали взгляд, что благотворительные акции богатых филантропов и реформаторов были по преимуществу средством социального контроля за поведением масс, особенно в девиантных группах, позволяющего увеличить богатство правящего класса и сохранить социальную стабильность. Их консервативные рецензенты той поры с сарказмом спрашивали: а разве рост частного богатства, поддержание социальной стабильности и моральное исправление не способствуют благополучию общества в целом?

Радикальные молодые историки из «новых левых» бросили вызов не только господствующей методологии и интерпретации американской истории, они попытались совершить переворот и в руководстве профессией. В конце 60-х гг. распространилась практика «ненасильственного захвата» протестующими группами студентов и радикальных преподавателей университетов и академических ассоциаций, чтобы добиться «демократичного» изгнания из них соглашательского истеблишмента и дать им новое направление в науке и обучении. В 1969 году, на пике оппозиции войне во Вьетнаме, группа левых молодых историков попыталась совершить переворот (правда, легальными средствами – на выборах) в American Historical Association (AHA), захватив в ней руководство и изменив ее курс. Однако здесь не получилось. Группе радикалов сумели противостоять прежние умеренные авторитеты, среди которых были Ричард Хофстадтер (Richard Hofstadter), глава школы консенсуса, поддержанный другими либералами, более консервативный Д. Бурстин и даже известный промарксистский историк Юджин Дженовезе (Eugene Genovese)[28].

Давление на фонды *справа* было более прагматичным и целенаправленным, поскольку было связано не столько с идеологией, как в комитетах Кокса и Риса в 50-е, сколько с финансами, правом и популистской политикой.

В 60-е годы угроза для фондов также исходила из Конгресса, но не была инициирована каким-либо комитетом. Это был, как заметил один из историков того периода, «крестовый поход одного человека». Его задумал и последовательно осуществлял более 10 лет *Райт Патман* (John William Wright Patman), конгрессмен-демократ из Техаса, прослуживший в Палате представителей более 35 лет, с 1929 до самой смерти в 1976 году.

За этот долгий и полный драматических событий период истории США 20 века Патман, с его красноречием и упорством, завоевал себе место в обширной плеяде «знамени-

---

[25] Friedman and McGarvie, 2003, p. 5.

[26] Clifford S. Griffin, *Their Brothers» Keepers: Moral Stewardship in the United States, 1800–1865*. Rutgers University Press, 1960. К морализаторским благотворительным обществам относят American Bible Society, American Tract Society, American Education Society, American Sunday School Union, American Anti-Slavery Society, American Peace Society и American Society for the Promotion of Temperance.

[27] David J. Rothman. *The Discovery of the Asylum: Social Order and Disorder in the New Republic,* Revised edition, Aldine Transaction, 2002.

[28] Rich Yeselson, *What New Left History Gave Us, Democracy*. The Journal of Ideas, Issue #35, Winter 2015. http://www.democracyjournal.org/35/what-new-left-history-gave-us.php?page=all

тых популистов» Америки. В 1932 году он возглавил движение за импичмент министра финансов Эндрю Меллона как «главного виновника» финансового краха и последовавшего кризиса. В том же году Конгресс принял представленный им проект закона о немедленной выплате 3,6 миллионам ветеранов 1-й Мировой войны номинальной стоимости премиальных сертификатов-облигаций за их службу в армии, срок которых истекал лишь в 1945 году. В 1936 году, в разгар Депрессии, Патман провел закон, защищающий миллионы небольших розничных магазинов (pop-and-mom stores) от несправедливой ценовой конкуренции производителей и оптовиков. В послевоенные годы он возглавил комитет Конгресса по малому бизнесу. Именно под его зонтиком Патман и начал в 60-е годы знаменитую осаду филантропических фондов и рождающегося сектора некоммерческих организаций.

Еще до расследований Кокса-Риса в 1952—54 годах, связанных, главным образом с их обвинениями в «подрывной деятельности», власти обратили внимание на усилившийся после войны рост числа фондов и трастов, регистрирующихся в федеральной налоговой службе (IRS) в качестве благотворительных бесприбыльных организаций. Так же, как и на рост числа злоупотреблений по использованию налоговых льгот для них. Уже в 1948 году финансисты из Конгресса обнаружили, что немало вновь образованных фондов активно вовлечены в бизнес, что само по себе законно, если его доход, переправленный на баланс фонда, реально использовался в его благотворительных программах. Но фонды-скороспелки нередко и в возрастающих количествах создавали дочерние «фирмы-кормушки» (т. н. feeder organizations), чья прибыль, причем немалая, укрывалась полностью или частично на балансе фондов лишь в интересах незаконного ухода от налогов. В 1950 году об этом в резких выражениях писал президент Трумэн в послании Конгрессу и в том же году в законе о налогах появились статьи об ограничении деловых операций фондов, казалось бы, надежно отрезающие от них фальшивые «фирмы-кормушки». Однако неопределенность формулировок сохранилась, что позволяло юристам злоумышленников находить новые лазейки. Сказалась осторожность законодателей, боявшихся лишить «настоящие» благотворительные фонды законно заработанных доходов для их реальных программ. Стали также ясны большие сложности выявления умышленного ухода от налогов, определяемого не по доходу в целом, а по каждому его источнику. Разумеется, имело значение лоббирование Министерства финансов и Конгресса со стороны защищающего свои привилегии мира фондов.

В дальнейшем Министерство финансов и Конгресс, откликаясь на нападки прессы и политиков-популистов, предпринимали различные попытки далее ужесточить как законодательство о налогах, относящееся к фондам, так и его исполнение. Однако обмениваясь по ходу дел взаимными обвинениями в потакании фондам-нарушителям, они побаивались передавать такие дела в суд для лишения их льготного статуса, поскольку судьи, зная запутанность дел, связанных с филантропией и бизнесом, неохотно шли на крайние меры.

Усиление нового интереса в Конгрессе к проблеме случилось в 1959 году, когда финансовый комитет Сената, признавая важность поддержки филантропии, рекомендовал смягчить законодательство о льготах для филантропических фондов, считая ограничения их деятельности чрезмерными. Последовали протесты группы консервативных сенаторов. Они считали, что при нынешних темпах их роста, когда каждый год возникало 1200 новых фондов, огромное богатство, выведенное из экономического оборота, может вскоре оказаться в «мертвых руках» новой элиты, не контролируемой конкурентным рынком и демократическим обществом. Они призвали к новому полному расследованию их деятельности, ужесточению законодательства и практического регулирования[29].

[29] Peter D. Hall, *Inventing the Nonprofit Sector and Other Essays on Philanthropy, Voluntarism, and Nonprofit Organizations*, Johns Hopkins University Press, 1992, pp. 70–72.

***

Вот этот призыв и подхватил Райт Патман, когда в 60-е годы организовал – сначала под эгидой возглавляемого им комитета по малому бизнесу, затем подкомитета по фондам – самое масштабное и продолжительное (1962—72) в истории Конгресса расследование их деятельности. За это десятилетие Патман, используя затребованный им напрямую у 550 отобранных фондов (из 45 тыс. зарегистрированных в начале 60-х гг.) огромный массив данных (доходы, расходы, активы и т. п.), подготовил тома аналитической информации, заключений и рекомендаций, опубликовал 12 докладов и провел 8 слушаний в комитете, выступал в прессе и на публичных форумах[30].

Главные обвинения Патмана сводились к следующему: финансисты и налоговики крайне безответственны в контроле деятельности фондов; сами фонды систематически игнорируют установленные для них нормы регулирования, несмотря на имеющиеся в законе, но не применяемые штрафные санкции; в руках фондов сосредоточен «безрассудно» огромный объем доходов и потому имеет место «невиданный когда-либо и опасный для общества» рост экономической власти фондов; контролируемые ими коммерческие фирмы, получая льготы по налогам противозаконно приобретают преимущество в конкуренции с малым бизнесом.

Патман предложил установить «немедленный мораторий» на предоставление льготного статуса новым фондам, а также провести ряд радикальных реформ. Главным среди них было «убийственное» ограничение срока жизни фондов 25 годами (до тех пор лимит отсутствовал). Предлагалось также запретить: какое-либо, прямое или косвенное, участие фондов в бизнесе; выдачу кредиты и получение займов; контроль за деятельностью любой корпорации; торговлю акциями и участие в биржевой игре; получение пожертвований от своих поставщиков или потребителей своих товаров и услуг; наконец, действия, вызывающие конфликт интересов (self-dealing practices).

Популистские расследования и выступления Патмана, вызывавшие хотя и отчаянное, но плохо организованное сопротивление как чиновников из Министерства финансов, так и деятелей самих фондов, имели в это штормовое для Америки десятилетие громкий общественный резонанс.

Радикальные социальные критики, писатели и журналисты, а особенно университетские авторы из «новых левых» широко использовали материалы Патмана для еще более острых нападок на филантропические фонды. Разоблачения Патманом «губительной для страны» мощи фондов хорошо сочетались с сенсационными публикациями «новых левых» историков и социологов по «теории элит», критике «политического капитализма» и пересмотру истории эпохи прогрессивизма. Среди них особенно выделялись книги тогда еще молодых, а теперь уже ставших классиками, Чарлза Райта Миллса «Властвующая элита» (1956, на русском в 1959), Габриеля Колко «Богатство и власть в Америке» (1962) и «Триумф консерватизма: пересмотр американской истории, 1900–1916» (1963) и Дж. Уильяма Домхоффа «Кто правит Америкой?» (1967)[31].

В 1968 году Фердинанд Ландберг (Ferdinand Lundberg), посвятивший, можно сказать, всю жизнь разоблачению финансовой элиты Америки, прямо использовал материалы рас-

---

[30] См.: – *Tax-Exempt Foundations* – In CQ Almanac 1967, 23rd ed., 14—1141—14—1143. Washington, DC: Congressional Quarterly, 1968. http://library.cqpress.com/cqalmanac/cqal67-1311376.- *Patman Investigations* – in Joseph Charles Kiger, Philanthropic Foundations in the Twentieth Century, Praeger, 2000 p. 31–39.

[31] Gabriel Kolko, *Wealth and Power in America: An Analysis of Social Class and Income Distribution*, Praeger, 1962.Gabriel Kolko, *The Triumph of Conservatism: A Reinterpretation of American History, 1900–1916*, The Free Press, 1963. G. William Domhoff *Who Rules America? The Triumph of the Corporate Rich*, McGraw-Hill, 1st ed. – 1967, 7th – 2013.

следований Патмана для публикации своего знаменитого бестселлера на эту тему «Богатые и сверхбогатые: исследование власти денег в наши дни»[32].

За год до этого Патман угрожающе объявил в очередной публикации, что, если фонды столь благородны и озабочены интересами общества, они обязаны поддержать своими огромными деньгами усилия страны в войне во Вьетнаме, чтобы налогоплательщики получили передышку…

Наконец, в 1969 году все вместе взятое – продолжавшиеся десятилетие систематические нападки неутомимого «овода» Патмана, кампания разоблачений в прессе и книгах могущества правящей элиты, объединяющей государство, частные корпорации и фонды, раздражение многих в Конгрессе скрытой и явной политической активностью ряда фондов, поддержавших массовые движения против войны, за гражданские права черных, академическую свободу в университетах и, что особенно возмутило законодателей, грантами для своих кандидатов в избирательных кампаниях – все это привело к принятию Закона о налоговой реформе, ставшим первым серьезным актом по регулированию филантропии.

Закон не был столь драконовским, как того требовал Патман и его сторонники слева, благодаря лоббированию лидеров отрасли, таких, как Рокфеллер III и Гарднер, и здравомыслию прагматичной части Конгресса и Министерства финансов. И все же он предусматривал для фондов и всех бесприбыльных организаций ограничение их связей с бизнесом, контроля со стороны доноров и политической активности, устанавливал ежегодную 5 % норму расходования активов на уставные цели, а также вводил налоги на инвестиции частных грантодающих фондов.

Еще несколько лет, вплоть до 1975 года, Конгресс и Министерство финансов разбирались, что означают и как применять компромиссные статьи закона 1969 года, в спешке принятые в острых дебатах, а затем под давлением Патмана и его сторонников пришли к выводу, что регулирование фондов следует ужесточить далее и принудить IRS еще строже их контролировать.

В этот переходный период продолжались публикации как о фондах, так и о филантропии в целом, но большинство из них было скорее аналитического и критического, чем разгромного, как до тех пор, свойства. В 1972 году Вольдемар Нильсен (Waldemar Nielsen), накопивший значительный опыт работы в правительстве (в администрации плана Маршала) и в крупных фондах (в отечественных и международных программах фонда Форда), опубликовал свою остро критичную книгу «Большие фонды»[33].

В ней он вынужден был открыть сколь несовершенно, часто провально, их управление, как их программы и финансы, будучи скрытны от публики, могут не соответствовать их уставам и ожиданиям их клиентов дома и за рубежом. Но делал это он «с болью в сердце», ибо был уверен в том, что у фондов и всей филантропии в США есть высокая миссия, с которой не может справиться правительство, и то, что фонды, пользуясь его льготами, могут плохо эту миссию выполнять, равносильно святотатству. Книга Нильсена произвела на многих в мире фондов шоковое впечатление, но он этого и хотел, ибо добивался перемен в этом мире изнутри, а не за счет разгрома сверху.

В 70-е годы эта линия не столько разгромной, сколько продуктивной критики организованной филантропии продолжалась. Она отразилась в изданной в 1974 году книге правоведа и левого политика из Англии Бена Уитекера (Ben Whitaker) – «Филантропоиды. Фонды и общество», в которой он активно использовал разоблачения конгрессмена Патмана. По-другому провел эту же линию журналист и социальный критик Карл Бакал (Carl Bakal)

---

[32] Ferdinand Lundberg, *The Rich and the Super-Rich: A Study in the Power of Money Today*, Lyle Stuart, 1968.

[33] Waldemar Nielsen, *The Big Foundations,* Columbia University Press, 1973. В 1985 году Нильсен подготовил ее уточненное и дополненное издание под названием *The Golden Donors*, в которой продолжил эту линию конструктивной критики.

в своей книге-расследовании «Благотворительность США» (1979). Она, пожалуй, впервые после книги Бремнера, но по-другому – как позитивное описание и одновременно саркастическое развенчание – представила картину *всей филантропии* в Америке – от массовой до фондовой, от католической до еврейской. И она также доказывала острую нужду не только в ужесточении регулирования филантропии на федеральном уровне, но и в ее саморегулировании[34].

***

Ситуация постоянной угрозы вызвала, наконец, более решительную реакцию лидеров «новой филантропии», осознавших, что пора перехватить инициативу из рук своих противников и заняться саморасследованием и самоочищением, самоорганизацией и самозащитой. Двое из них сыграли решающую роль в этом процессе.

Первым был наиболее могущественный тогда человек из мира фондов – Джон Рокфеллер III, миллиардер и филантроп, бизнесмен и политик, стоявший во главе сети семейных фондов и опекаемых ими бесприбыльных организаций.

Вторым был Джон Гарднер – авторитетный интеллектуал и социальный реформатор, президент фонда Карнеги (1955—65), министр социального обеспечения в администрации Джонсона (1965—67), где он подготовил и ввел в действие ряд программ помощи для неимущих, включая Medicaid.

Именно им с их опытом и в бизнесе, и в политике, и в филантропии стало особенно ясно, что следует, во-первых, забрать из рук популистов и самим организовать независимые исследования природы, эволюции и роли в экономике и социальной сфере быстро растущего третьего сектора, а, во-вторых, создать, наконец, общеамериканскую организацию, координирующую и защищающую его интересы.

Однако лишь в 1973 году после преодоления многочисленных, нередко детективного свойства, препятствий – враждебности ряда деятелей Конгресса и Минфина, разноголосицы среди деятелей фондов, недовольных попытками централизации, неудачи работы в 1969—70 годах частной комиссии по фондам и филантропии во главе с бизнесменом и банкиром Питером Петерсоном (Peter G. Peterson), новых нападок Патмана, популистской прессы и левых экономистов из университетов – начала работу судьбоносная для третьего сектора Комиссия под руководством Джона Файлера (John Filer), известного юриста и менеджера.

В составе ее 20 членов были авторитетные представители церквей и профсоюзов, корпораций и фондов, бывшие министры и федеральные судьи, представители от женщин и цветных меньшинств. При комиссии в течение двух лет работала – с участием представителей фондов и бесприбыльных организаций – консалтинговая группа из 100 с лишним специалистов по экономике, социологии и праву, выполнившая около 90 исследовательских проектов, связанных с фондовой филантропией и всем бесприбыльным сектором.

Действуя в тесном контакте с комитетами Конгресса, управлениями Министерства финансов и налоговой службой (IRS), терпеливо преодолевая внешние и внутренние разногласия, комиссия Файлера совместно с группой консультантов провела в течение двух лет исчерпывающее междисциплинарное исследование «новой филантропии». В 1975 году Министерство финансов опубликовало ее заключительный программный доклад – «Благотворительность в Америке: на пути к созданию более сильного добровольческого сектора», считающийся краеугольным камнем, положенным в основание легитимизации третьего сектора в США. В 1977 году был опубликован полный отчет комиссии Файлера в 6 томах, содер-

[34] – Ben Whitaker, *The Philanthropoids: Foundations and Society*, Morrow, 1974; – Carl Bakal, *Charity U. S. A.: An Investigation Into the Hidden World of the Multi-Billion Dollar Charity Industry*, Times Books, 1979.

жавший все исследовательские материалы, включая критические заключения членов несогласного с ее рекомендациями меньшинства[35].

В программном докладе комиссии Файлера впервые была изложена цельная концепция филантропических фондов, обслуживаемых ими бесприбыльных организаций и их конечных потребителей. Ее суть заключалась в том, что все они являются составной частью третьего (в отличие от двух других – бизнеса и государства) независимого сектора, который, выражая интересы гражданского общества, вправе иметь особый статус, включая налоговые льготы, свои национальные ассоциации для выражения и защиты общих интересов, для самоуправления и самоконтроля. В докладе были рассмотрены все аспекты деятельности организаций со льготным статусом, проведен анализ их растущей роли как работодателей и как важных поставщиков социальных, медицинских, образовательных и культурных услуг, а также как новой общественной силы в политической жизни страны, выступающей от имени гражданского общества. Были подготовлены рекомендации по налогообложению и регулированию таких организаций, затрагивающие как их жизнеспособность, так и предотвращение злоупотреблений с их стороны.

Потребовалось, однако, еще несколько лет, чтобы не только осознать возможности и ограничения, предоставляемые докладом Файлера, но и сформировать организацию, координирующую деятельность признанного, наконец, независимого сектора. Неудавшаяся попытка создать Национальную комиссию по филантропии в качестве полуправительственного агентства вынудила сначала Д. Рокфеллера III, а затем Д. Гарднера заняться объединением усилий уже существующих центров и ассоциаций. Поначалу объединительным центром исследований третьего сектора намечалось, используя грант фонда Рокфеллера, сделать уже работавшую программу PONPO (Program On Nonprofit Organizations) Йельского университета, объединявшую представительную группу ученых[36].

Однако после неожиданной смерти в 1978 году Д. Рокфеллера III, инициативу и способ создания такого центра взял на себя Джон Гарднер. В 1980 году слиянием двух крупных ассоциаций – Coalition of National Voluntary Organizations (CONVO) и National Council on Philanthropy (NGOP) – была создана новая зонтичная организация под красноречивым названием Independent Sector. Первым председателем ее совета стал Джон Гарднер, а исполнительным президентом Брайан О'Коннел (Brian O'Connell), подготовивший практическое объединение указанных ассоциаций.

О том, что задача консолидации исследований в этой сфере давно назрела и что, кроме программы PONPO из Йеля, у вновь созданного Independent Sector были другие предшественники, свидетельствует история ассоциации ARNOVA (Association for Research on Nonprofit Organizations and Voluntary Action) – уникальный пример независимого рождения научного центра третьего сектора. Еще 60-е годы социолог *Дэвид Смит* (David Horton Smith), сферой научных интересов которого была деятельность низовых (grassroots) добровольческих объединений, осознал нужду в организации междисциплинарных исследований филантропии. В 1971 году – независимо от описанных выше затяжных усилий по координации исследований филантропических фондов – Д. Смит с коллегами основал ассоциацию ученых по проблеме добровольчества (Association of Voluntary Action Scholars – AVAS). Уже в 1972 году начал выходить ее научный журнал The Journal of Voluntary Action Research. Чтобы отразить начавшееся сотрудничество с учеными, исследующими проблемы филантропии и бесприбыльного сектора в целом, журнал в 1989 году меняет свое название

---

[35] Заключительный доклад комиссии Файлера здесь: https://archives.iupui.edu/bitstream/handle/2450/889/giving.pdf?sequence=1; все архивные материалы комиссии Файлера здесь: https://archives.iupui.edu/handle/2450/807/browse?type=title

[36] В рамках этой программы работал крупный ученый в этой сфере Питер Добкин Холл, автор книги «Изобретая бесприбыльный сектор» и других публикаций по истории филантропии и этого сектора, трагически погибший в автокатастрофе 30 апреля 2015.

на Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly (NVSQ), а издающая его ассоциация приобретает в 1991 году новое и более благозвучное имя – ARNOVA. Сейчас это крупная национальная и международная ассоциация, объединяющая ученых, преподавателей и практиков, заинтересованных в исследованиях добровольчества и филантропии, бесприбыльных организаций и гражданского общества[37].

***

И все же именно лидерам Independent Sector (IS) принадлежит заслуга нового старта – после упомянутых ранее незавершенных попыток М. Курти и его коллег – этих исследований. В 1983 году лидеры IS, преодолев противоречия различных научных групп, создали с координационными целями исследовательский комитет во главе с Робертом Пейтоном (Robert Payton), известным организатором филантропии, и профессором Вирджинией Ходжкинсон (Virginia A. Hodgkinson), в роли его заместителя по науке.

Используя в качестве концептуального документа доклад и исследовательские материалы комиссии Файлера, опираясь на помощь ее консультантов-исследователей, Пейтон и Ходжкинсон подготовили обновляемую на ежегодных форумах ученых из различных университетов и дисциплин программу организации научных исследований.

Чтобы усилить интерес видных ученых к исследованиям этой сферы, привлечь сюда студентов, заинтересовать университеты и доноров в поддержке тех и других, были использованы следующие подходы – поощрить создание в вузах постоянных научных кафедр (endowed chairs) для удержания кадров ценных ученых и преемственности их направлений; стимулировать организацию центров исследований филантропии, специалисты которых участвуют в исследованиях кафедр и в обучении студентов; проводить регулярные форумы исследователей для обсуждения проблем и обмена опытом[38].

Хотя все три стратегии способствовали консолидации научного сообщества в этой сфере, особенно важной стала организация исследовательских центров и образовательных программ в университетах.

В 1987 году в университете штата Индиана при финансовой поддержке Lilly Endowment, одного из старейших американских фондов, был создан первый в стране исследовательский центр по филантропии (Center on Plilanthropy at Indiana University), руководителем которого стал Р. Пейтон. Объясняя нужду в создании центра, его основатели писали, что филантропия и третий сектор являются «одной из наиболее неверно понимаемых, плохо исследуемых, слабо документированных и отличаемых сфер американской жизни». В 2013 году, отражая роль семейства Lilly в поддержке этого центра в течение четверти века и заслуженную им репутацию ведущей в США школы по исследованиям в сфере филантропии, он был преобразован в Indiana University Lilly Family School of Philanthropy[39].

Создание центра филантропии в университете Индианы подтолкнуло рождение аналогичных организаций и программ, рост числа которых приобретает, начиная с 90-х годов, характер водопада. Появляются десятки новых академических и образовательных центров, сотни университетских программ, организуются новые научные журналы, форумы и конференции. Возникшие проблемы организации этого «бурного потока» – при отсутствии федерального регулирующего агентства по третьему сектору – привели к созданию ряда общеотраслевых добровольческих ассоциаций, организаций и центров. Среди них, помимо Independent Sector как ведущего в 80-е гг. координатора всей сферы, появились в разные

---

[37] *Philanthropy in America: A Comprehensive Historical Encyclopedia, in 3 volumes*, Dwight F. Burlingame, editor, ABC–CLIO, 2004, v.1, pp. 35–36. Далее – *Philanthropy in America: A Comprehensive Historical Encyclopedia, 2004.*

[38] Research on the Independent Sector: A Progress Report, by Virginia A. Hodgkinson – in Robert Peyton, *Philanthropy: Voluntary Action for the Public Good*, Macmillan Publishing, 1988, pp. 226–259.

[39] *Philanthropy in America: A Comprehensive Historical Encyclopedia,* 2004, v.1, p. 65.

годы, с различающимся составом и целями такие ассоциации как Council on Foundations, National Council of Nonprofit Associations (NCNA) и Nonprofit Academic Centers Council (NACC).

Особенный интерес в контексте рассматриваемой здесь темы представляет NACC, созданный в 1991 году под крышей Independent Sector и его исследовательского отдела. Инициатива создания NACC исходила от ранее появившихся академических центров по третьему сектору и филантропии, нуждавшихся в «интеллектуальном клубе» для осознания и обсуждения проблем становления, в агентстве, защищающем их легитимность и независимость в своих университетах и за их пределами, наконец, в учреждении, задающем и контролирующем стандарты учебных программ всех уровней обучения и его качества[40].

Среди его членов-основателей, кроме ранее упомянутого Центра филантропии в Индиане, были аналогичные центры в New York University, Tafts University, New School, University of San-Francisco. С получением в 2001 году крупного гранта от David and Lucile Packard Foundation ассоциация NACC сумела активизировать свою регулирующую и аккредитационную роль, ввести стандарты учебных программ для бакалавров, магистров, переподготовки кадров и второго образования. К настоящему времени около 50 академических центров с различной специализацией и названиями находятся под опекой NACC[41].

Однако на самом деле масштабы университетского «бесприбыльного» образования в США гораздо шире, чем деятельность аккредитованных в NACC академических центров. О том свидетельствуют данные аналитических исследований специального проекта в Seton Hall University. Здесь с 1995 года при поддержке Kellogg Foundation проводится «перепись» и анализ всех учебных и исследовательских программ в колледжах и университетах по проблеме (может, по дисциплине или тематике – как вернее?) *Nonprofit Management and Philanthropic Studies* (NPM&PS).

В 2006 году в США 160 вузов (в 1996 г. – 128) предлагали программы обучения по ней с присвоением степени магистра, 117 вузов (в 1996 г. – 66) имели программы для бакалавров по NPM&PS. Кроме того, еще 130 вузов (в 1996 г. – 70) имели учебные курсы второго образования и переподготовки. Если исключить повторяющиеся программы и курсы, то в 2006 году в целом по этому направлению действовали 240 вузов, а в 2015 году, по данным тех же исследователей, уже около 300[42].

Взлет научных исследований и университетского образования по междисциплинарной тематике NPM&PS неизбежно вызвал полемику по широкому кругу проблем ее становления, из которых наиболее важными считают следующие[43]:

Каковы должны быть взаимоотношения новой дисциплины с давно существующими типами образования по менеджменту, прежде всего, по деловому (business management) и государственному (public administration) управлению?

Достаточно ли новых научных знаний и практического опыта для формирования новой независимой дисциплины?

Где следует готовить специалистов по новой дисциплине – в рамках факультетов и кафедр «старых» школ по менеджменту или создавать специальную школу, факультет, кафедру?

---

[40] *Voluntary Regulation of NGOs and Nonprofits: An Accountability Club Framework,* Mary Kay Gugerty, Aseem Prakash, editors, Cambridge University Press, 2010 pp. 106–110.

[41] Полный список центров-членов NACC и их учебных программ можно найти здесь – http://nonprofit-academic-centers-council.org/

[42] См. Roseanne M. Mirabella, *Nonprofit Management Education* – на вебсайте http://academic.shu.edu/npo/

[43] Ji Ma, *Research of Nonprofit Management Education in the United States: A Literature Review*, Indiana University Lilly Family School of Philanthropy, April 12, 2015.

Каково будет в этой дисциплине соотношение ее ключевых частей – менеджмента и филантропии, «технологического» и «гуманитарного» ее компонентов?

Последний вопрос особенно тревожит старую гвардию исследователей «классической» благотворительности и филантропии, изучение которой ранее проводилось, как правило, в рамках школ гуманитарных наук (Liberal Arts) с акцентом на религию, этику, философию, психологию, историю и социологию. Не уменьшиться ли роль гуманитарного компонента, столь важного в образовании специалистов именно филантропической сферы за счет концентрации на технологиях управления, требующихся для подготовки эффективных менеджеров? Не нанесут ли вред их подготовке не только в качестве управленцев, но и как лидеров гражданского общества, все чаще звучащие призывы максимально заимствовать программы и методы их обучения у школ государственного и делового менеджмента[44]?

Сложность решения этих проблем очевидна и каждый академический центр или факультет американских университетов решает ее по-своему, исходя из финансовых и кадровых ресурсов, студенческого спроса, политики университета и местных властей. Во всяком случае, это проблемы, решаемые постепенно, а не крутой ломкой.

***

Как на описанном выше фоне легитимизации, общественного признания и быстрого развития филантропии и независимого сектора развивались исторические исследования этой сферы?

Рождение и стремительное – после «застоя» 60—70-х – становление в 80—90-е собственной научной инфраструктуры филантропии сформировало у ряда историков представление, что настоящая история ее исследований началась лишь с появлением Independent Sector и инициированных им академических центров. И что именно здесь ее надо развивать с «чистого листа», так как до того, почти весь 20 век, филантропия, к тому же плохо определяемая, «прозябала» на окраинах изучения социальных наук и социальной работы. Хотя эта оценка частично верна, но в сопровождении попытки, не разбираясь, вполне в духе школы «новых левых» 60-х годов, зачеркнуть «научное прошлое» филантропии в Америке, она не могла не вызвать протест более осведомленных историков. Они настаивали на том, что корни исследований организованной филантропии уходят, как минимум, в конец 19-го века и что возможность развивать их далее в наши дни обеспечена неустанной работой не одного поколения ученых и практиков. Столкновение этих подходов наглядно отразилось в полемике двух видных историков филантропии Стэнли Каца и Питера Холла на страницах журнала ARNOVA в 1999 году.

С. Кац продвигал идею, что лишь в 80-е годы началась «подлинная наука» третьего сектора и роли филантропии в его рождении. И что случилось это, когда Independent Sector и его исследовательский отдел во главе с Робертом Пейтоном и Вирджинией Ходжкинсон подготовили становление в университетах академических центров, системно занявшихся изучением новой сферы экономики. И что именно это поможет осуществить их мечту (особенно Пейтона, сделавшего это своей миссией) создать междисциплинарную сферу *филантропических исследований*, в которой экономисты, социологи, антропологи, политологи, историки, философы и литераторы будут совместно исследовать *третий сектор*[45].

П. Холл, отвечая оппоненту счел нужным напомнить ему, что именно эту цель еще в 1956 году ставили перед группой ученых в Принстоне Фрэнк Эндрюс, человек из мира фондов, и Мерле Курти, человек из мира науки, и что последний подробно обосновал идею «междисциплинарности» филантропии как сферы исследований еще в 1957 году в своей

[44] Dwight F. Burlingame, *Nonprofit and Philanthropic Studies Education: The Need to Emphasize Leadership and Liberal Arts*, Journal of Public Affair Education, 15 (1), Winter 2009, pp. 59–67.

[45] Stanley N. Katz, *Where Did the Serious Study of Philanthropy Come from, Anyway?* Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly, March 1999, vol. 28, 1, pp. 74–82.

программной статье. А если заглянуть еще глубже в историю научных работ по филантропии в США, то окажется, продолжает Холл, что с 1895 по 1970 год в десятках американских университетов выполнено более 80 диссертаций, исследовавших ее в рамках самых различных дисциплин – от истории, социологии и экономики до религии, антропологии и литературы, а не только в рамках рутинной социальной работы или на окраине социологии, как предположил Кац. Заметил ли он, что многие из этих ученых, а также их ученики стали крупными экспертами в этой области и успешно работают как раз в создающих «новую науку» о филантропии академических центрах, так же, как и в десятках других университетов? Разве это не демонстрирует наглядно долговременную научную преемственность в ее исследованиях?

Нет сомнений, политкорректно заключает Холл, что Р. Пейтон, В. Ходжкинсон и сам С. Кац, как и многие их коллеги, проделали в 80-е замечательную работу, чтобы организовать по-новому изучение только возникшего бесприбыльного сектора и гораздо более древней сферы филантропии, но наука о них в целом, включая их историю – результат труда многих поколений ученых[46].

***

Общественное признание мира бесприбыльных организаций в качестве третьего сектора общества изменило также идеологическую оценку всей истории филантропии в США, испытавшей в послевоенные годы две крупных волны ее интерпретации – со стороны школ «консенсуса» и «конфликта».

В 80-е все еще выходили книги, продолжающие бремнерскую традицию ее оценки. Таким был, например, сборник с красноречивым названием «Волонтерский дух Америки» (1983). Здесь основатели Independent Sector Джон Гарднер и Брайан О'Коннелл собрали под одной обложкой публикации 45 наиболее известных авторов – от Коттона Мэзера и Алексиса Токвиля до Карнеги и Бурстина – об истории рождения и эволюции благотворительности и волонтерства в Америке как отличительной черты национального характера американцев.

Однако в те же 80-е годы возникла третья волна интерпретации ее истории, и она, с теми или иными вариациями, продолжается до сих пор. Хотя профессиональные историки отошли от радикального взгляда на филантропию лишь как орудие социального контроля в интересах правящего класса, они, однако, не вернулись полностью к чересчур оптимистической концепции Бремнера, Курти и Бурстина, в которой филантропия озабочена лишь интересами общества и его наиболее уязвимых групп. Более прагматичным оказалось сочетание обоих подходов. Оно отражало, во-первых, общую стабилизацию социального климата в обществе и политики в рассматриваемой сфере при Рейгане и после него, а во-вторых, более реалистичную оценку поведения доноров, в котором соотношение альтруистических и корыстных мотивов вечно меняется[47].

Эта волна компромиссной интерпретации наглядно отразилась, например, в книге *Роберта Абзуга* (Robert H. Abzug) «Космос рушится: американская реформа и религиозное воображение» (1994). В ней автор стремится объективно исследовать библейские и евангельские корни американской страсти к социальному реформаторству в период между революцией и гражданской войной и роль в этом движении активистов и филантропов из диссидентских церквей[48]. К этой же волне относят историка аболиционизма *Джеймса Стюарта* (James Brewer Stewart), посвятившего свою лучшую работу «Святые воители: аболициони-

[46] Peter Dobkin Hall, *The Work of Many Hands: A Response to Stanley N. Katz on the Origins of the «Serious Study» of Philanthropy*, Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly, December 1999; vol. 28, 4: pp. 522–534.

[47] Friedman and McGarvie, 2003, p. 5.

[48] Robert H. Abzug, *Cosmos Crumbling American Reform and the Religious Imagination,* Oxford University Press, First Edition 1994.

сты и рабство в Америке» (1997) лидерам и рядовым гражданам Севера, которые возглавили «крестовый поход» против рабства, подтолкнувший страну к преобразившей ее гражданской войне. В ней Стюарт показывает, почему – вопреки двусмысленности их решительной победы в контексте современности – эти воители-альтруисты, как и аболиционизм в целом, оставили неизгладимый след в национальной памяти[49].

***

Однако ни одна из «постбремнеровских» волн интерпретации, так и не смогла, по мнению историка Л. Фридмана, обеспечить интеграционный подход к рождающейся сфере междисциплинарных исследований филантропии и создать на этой основе новую ее историю, равную по силе «синтезу Бремнера», но отвечающую новым условиям.

Профессиональные историки, погруженные в специализированные исследования «классической филантропии» (благотворительности, волонтерства и частных трастов прошлого) и рождающейся на их глазах «новой филантропии» неохотно откликались на такой серьезный вызов, тем более в столь идеологизированной сфере. В итоге, пишет Фридман, свободное поле деятельности заняло немалое число исследователей из других областей – социологии и социальной работы, экономики и бизнеса, этики и религии. Они, не владея методологией исторического исследования, не сумели объединить разрозненные эмпирические результаты, полученные в различных центрах и университетах и рассеянные во многих публикациях. Поэтому они нередко приходили к таким странным заключениям, что «третий сектор» – неверно понимаемый лишь как добровольчество рядовых граждан и благотворительность частных доноров, вне связи с их организационно-правовой формой и ролью в экономике – был в Америке всегда, даже в колониях, тем более в 19-м веке, во времена Токвиля, прославившего этот тогда чисто американский феномен[50].

Весьма содержательную попытку противостоять подобному «историческому любительству» предпринял в 1992 году историк Питер Холл в книге «Изобретая неприбыльный сектор». В них автор представил историю рождающегося неприбыльного сектора в качестве экономико-правового феномена, который, хотя и имеет прочные корни в прошлом Америки, но относится преимущественно к 20-му веку, прежде всего, его второй половины, когда в ходе индустриальной революции складывалась его новая экономическая, законодательная и политическая основа[51].

В 1998 году Дэвид Хаммак (David Hammack) попытался представить «документированную» историю развития филантропии и независимого сектора в целом. В книге под его редакцией «Создание неприбыльного сектора в США» была собрана богатая коллекция основных первичных документов из истории филантропии как организованной деятельности – от английского «Устава благотворительных учреждений» 17-го века до решений Верховного суда США в 90-годы 20-го века[52]. В 90-е годы стали появляться и другие объемные и содержательные монографии, в которых филантропия рассматривается в междисциплинарном контексте. В том же 1998 году публикуется коллективная монография «Филантропия в мировых традициях», посвященная исследованию происхождения и развития этого феномена в различных мировых религиях и культурах – в Японии, Индии, Латинской Америке, России[53]

---

[49] James Brewer Stewart, *Holy Warriors: The Abolitionists and American Slavery*, Hill and Wang, 1997.

[50] Friedman and McGarvie, 2003, p. 3–4.

[51] См. Peter D. Hall, «*Inventing the Nonprofit Sector*» *and Other Essays on Philanthropy, Voluntarism, and Nonprofit Organizations,* Johns Hopkins University Press, 1992.

[52] *Making the Nonprofit Sector in the United States: A Reader*, David C. Hammack, editor, Indiana University Press, 2000.

[53] *Philanthropy in the World's Traditions*, Warren F. Ilchman, Stanley N. Katz, Edward L. Queen II, eds., Bloomington, Indiana University Press, 1998.

Когда частные фонды США, наконец, открыли свои архивы и сделали более прозрачной текущую деятельность, усилился поток разносторонних исследований их истории, экономики и роли в обществе. В коллективной монографии 1999 года «Филантропические фонды: новые знания, новые возможности» более полутора десятков авторитетных авторов попытались «вдоль и поперёк» – на уровне знаний и взглядов того времени – исследовать историю, организацию и экономику как фондов в целом, так и наиболее представительных из них[54].

Важным шагом в интеграции знаний о филантропии в Америке, как сферы не только практики, но и исследований, стало появление в 2004 году трехтомной исторической энциклопедии «Филантропия в Америке» под редакцией историка Дуайта Берлингейма (Dwight F. Burlingame) из Центра филантропии Университета Индианы[55]. Ее 250 статей в первых двух томах, подготовленные учеными из различных дисциплин, профессионально рассказывают о людях, событиях, организациях и идеях американской филантропии за всю ее историю. В третьем томе они дополнены 75 документальными первоисточниками, словарем терминов и хронологической таблицей основных событий. Историческую энциклопедию Берлингейма замечательно дополняет вышедшая ранее, в 2002 году, «биографическая энциклопедия» – сборник «Знаменитые американские филантропы. Биографии благотворительности и волонтерства» под редакцией известного исследователя и организатора филантропии Роберта Гримма (Robert T. Grimm Jr.)[56].

***

К исходу 90-х гг. большинству исследователей в этой сфере стало ясно, что обилие и чрезмерная специализация исторической литературы, имеющей отношение к благотворительности, филантропии и неприбыльному сектору, стала столь обширной, что едва ли кому из историков в одиночку удастся достойно справиться с задачей ее обобщения, как это сделал Бремнер в 1960 году, и что потребуются усилия группы профессионалов, работающих совместно. Это стало также признанием того, что филантропия на деле становилась сферой междисциплинарных исследований, требующих участия специалистов из разных областей знания.

В 2003 году такая попытка была предпринята коллективом из 18 историков во главе с Лоуренсом Фридманом и Марком Макгарви (Mark D. McGarvie), опубликовавших монографию под внушительным названием «Благотворительность, филантропия и цивилизованность в американской истории». Книга хронологически охватила всю историю США и состояла из трех частей, соответствующих трем важным, по мнению редакторов, периодам эволюции американской филантропии: благотворительность и социальная помощь в ранней Америке (1601–1861); национализация и интернационализация американской филантропии (1861–1930); филантропическая реконструкция (1930–2001)[57].

Книга эта стала долгожданным шагом в обновлении и «реконструкции» истории филантропии в Америке, и большинство ее авторов в своих частях выполнили эту задачу профессионально. Она, однако, не стала, по мнению ряда рецензентов, заменой книги Брем-

---

[54] .*Philanthropic Foundations: New Scholarship, New Possibilities*, Ellen Condliffe Lagemann, editor, Bloomington, Indiana University Press, 1999.

[55] *Philanthropy in America, A Comprehensive Historical Encyclopedia,* 3 vol., Dwight F. Burlingame, editor, ABC–CLIO, 2004, 886 pp.

[56] *Notable American Philanthropists: Biographies of Giving and Volunteering*, Robert T. Grimm Jr., editor, Greenwood, 2002, 388 pp.

[57] *Charity, Philanthropy, and Civility in American History*, Lawrence J. Friedman, Mark D. McGarvie, editors, Cambridge University Press, 2003, 467 pp.

нера 1960 года, на что претендовали ее редакторы Л. Фридман и М. Макгарви[58]. Да и не могла ею стать. Если книга 1960 года была написана одним автором, придерживающимся единой концепции – филантропия и волонтерство помогли сформировать новую нацию и ее характер, то книга 2003 года была итогом труда почти двух десятков профессиональных историков со своими темами, стилем и взглядами на проблему. Книга Бремнера, конечно, была продуктом своего времени и постепенно уходила на периферию последующих исследований по истории филантропии. Но она, как это бывает с прорывными работами, продолжает быть классикой – настольной книгой для учащихся и студентов, вводным курсом для практиков и доноров, политиков и журналистов, и, как ни парадоксально, одним из наиболее цитируемых источников у исследователей.

У книги 2003 года, помимо заслуженной у большинства экспертов репутации солидного исследования, имеется и шлейф недоброй славы в связи с разносной критикой Бремнера и его школы, предпринятой Лоуренсом Фридманом во введении к книге[59].

В идеологически пристрастной критике наследия Бремнера, Фридман заходит столь далеко, что называет исключительную популярность книги «Американская филантропия» главным препятствием для последующих «подлинных исследований» этой сферы. В них, по мнению Л. Фридмана, вместо оценки филантропии как объединяющей американцев силы, следовало выявлять социальные конфликты и обличать эгоцентризм богачей-филантропов. Он упрекает Бремнера и в том, что, хотя тот обобщил огромный материал по волонтерской деятельности за несколько веков американской истории, он сосредоточился, начиная с Джона Уинтропа и Уильяма Пенна, лишь на *белых* представителях аристократии и буржуазии, богатых предпринимателей и профессионалов. При этом он пренебрег «историей женщин», упустил из виду «активность в этих сферах афроамериканцев, латиноамериканцев, индейцев, других этнических групп и меньшинств» и не «уделил должного внимания бедным и детям». Последняя претензия выглядит особенно странной, если учесть, что у Бремнера имеются упомянутые ранее фундаментальные работы о них. Стойкая неприязнь Л. Фридмана к «Американской филантропии» Бремнера проявилась даже в рамках симпозиума на страницах журнала ARNOVA, посвященного посмертной оценке его научного наследия. Здесь Фридман счел возможным представить статью с вызывающим названием «Переоценивая Роберта Бремнер: на свалку истории?», где были повторены примерно те же обвинения[60].

В последние годы особым жанром в исследовании истории филантропии – помимо индивидуальных и коллективных монографий общего характера, энциклопедических сборников, а также бесчисленных специализированных книг и статей – стали исторические обзоры развития благотворительности, волонтерства и филантропии в Америке, публикуемые в посвященным этим темам научных монографиях и сборниках.

Среди них особенно интересными и содержательными являются обзоры Питера Д. Холла, одного из самых эрудированных и проницательных историков этой сферы[61].

Его исторический обзор филантропии, добровольческих ассоциаций и бесприбыльных организаций в США за период 1600–2000 гг., опубликованный в научном сборнике

---

[58] Peter Frumkin, *Rewriting Philanthropy's Past: The next generation of historians tells the story of American giving*, Oct. 2003. http://www.philanthropyroundtable.org/topic/excellence_in_philanthropy/rewriting_philanthropys_past

[59] *Charity, Philanthropy, and Civility in American History, 2003*, p. 4.

[60] Lawrence J. Friedman, *Robert Bremner Reconsidered: In the Dust Heap of History?* – In «Robert Bremner and the Study of Philanthropy in the United States: Four Appraisals», Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly, vol. 32, no. 3, September 2003, pp. 444–447.

[61] В апреле 2015 года Питер Добкин Холл трагически погиб в автомобильной катастрофе. Об оценке коллегами роли этого крупного и оригинального ученого в исторических исследованиях филантропии и третьего сектора в США можно прочитать здесь – http://histphil.org/2015/07/10/peter-dobkin-hall-1946-2015/

«Nonprofit sector: The Research Book» (2006) представляет собой, на наш взгляд, достаточно полную, объективную и вместе с тем критически оцениваемую картину развития этой сферы. В сжатом как пружина обзоре (меньше 35 страниц текста при 8 убористых страницах источников), охватывающим четыре века ее истории, П. Холл сумел сочетать глубину анализа и изобилие источников с лаконичным и ясным стилем изложения[62].

***

Однако задача создания современного труда по истории американской филантропии, продолжающей стремительно обновляться, по-прежнему привлекает исследователей.

За ее решение не так давно взялся, так сказать, «человек со стороны» – социальный историк Оливье Занз (Olivier Zunz), родившийся и выросший во Франции, получивший здесь школьное образование, а затем и докторскую степень от Сорбонны. В 1978 году О. Занз перебрался за океан в качестве профессора университета штата Вирджиния. Здесь он посвятил себя изучению индустриальной революции 19-го и начала 20-го веков в США, одним из результатов которых, как известно, стало создание огромных промышленных корпораций и, вместе с тем, крупных филантропических фондов. Хотя Занз до этого не занимался историей филантропии, он, будучи социальным историком того периода, хорошо представлял себе ее новую роль в американской экономике и политике. Европейское образование и исходная отстраненность от темы позволили ему бросить на нее примирительный взгляд со стороны, что, вероятно, и принесло успех его работе, хотя и оспариваемый, как водится, и слева, и справа.

В книге «Филантропия в Америке. История», вышедшей в 2011 году в рамках принстонской серии «Политика и общество в Америке 20-го века», Занз по упомянутым выше причинам освещает историю филантропии в США лишь за последние примерно полтора века[63]. И тем самым, это – история, прежде всего, филантропических фондов, хотя он и уделяет достаточное внимание массовой филантропии и ее организациям того времени. Особенной удачей его книги считается исследование им правовой и регуляторной эволюции организаций в этой сфере, и в этом пункте книга Занза перекликается с работами Питера Холла, всю жизнь занимавшегося этим ключевым аспектом темы.

В своей книге, получившей хорошие отклики у большинства специалистов и журналистов, Занз предложил обновленную интерпретацию истории филантропии в США, и это был определенный возврат к истокам, то есть к старой «школе консенсуса». Он считал, что пора вернуть историю филантропии в рамки всей американской истории, то есть сделать ее более интегрированной, какой она была у Бурстина в его трилогии «Американцы», у Бремнера в «Американской филантропии» и в работах их наставника Курти. И какой она часто переставала быть у историков после них, прежде всего, у историков школы «новых левых», в книгах которых филантропия – это поле, главным образом, классовых, расовых, гендерных и прочих конфликтов. Или у чрезмерно специализированных историков, освещавших историю филантропии по отдельным периодам и регионам, видным личностям и организациям, религиям и этическим канонам.

Занз своей книгой утверждает, что бесконечные обличения «политических злодеев» и «баронов-грабителей» 19-го и 20-го веков, хотя и имеют свои основания, не должны заслонять у историков тот неоспоримый факт, что при их, и нередко решающем, участии был создан тот новый тип капитализма, плодами которого страна пользуется до сих пор, включая

---

[62] Peter D. Hall, *A Historical Overview of Philanthropy, Voluntary Associations, and Nonprofit Organizations in the United States, 1600–2000*. In «Nonprofit sector: The Research Book», Walter W. Powell, Richard Steinberg, ed's, 2006. p. 32–65. Далее – P. Hall, *A Historical Overview*, 2006.

[63] Olivier Zunz, *Philanthropy in America: A History,* Politics and Society in Twentieth-Century America, Princeton University Press, 2011.

огромное богатство, оставляемое этими людьми в филантропических фондах для ее будущего.

Настала пора, считает Занз, вновь писать историю филантропии как составную часть истории экономики, особенно крупного бизнеса, где создаются ее главные ресурсы; как легитимный, а не конспирологический компонент дипломатической истории и программ международной помощи США; как неотъемлемую часть деятельности властных структур, активно использующих услуги «фабрик мысли» из мира фондов; наконец, как историю не только левой, но и правой политической активности гражданского общества и его бесприбыльных организаций.

Конечно, история филантропии, как и вся американская история, полна противоречий, конфликтов и даже преступлений, но вся она, по мнению О. Занза, есть «наша история». Поэтому описывать ее надо как с критикой, так и с уважением, и весь фокус в деликатных пропорциях между чрезмерным восхвалением (boosterism) и безудержным разоблачением (muckraking), к чему в свое время призывали и как писали Бремнер, Бурстин и их последователи[64].

Удалось ли Оливье Занзу реализовать эти основательные намерения? По мнению умеренных рецензентов, его книга – первое за последние десятилетия и давно ожидавшееся крупное исследование истории филантропии в США, в которой представлен ее сбалансированный, отражающий как достоинства, так и пороки, портрет.

Но какой истории? – спрашивают в консервативных откликах. Занз написал, в основном, историю рождения – на ниве индустриального богатства последних полутора веков – филантропических фондов-гигантов и компромисса между ними и государством в виде третьего сектора. Но ведь это лишь один из этапов, хоть важный и неплохо описанный, в составе гораздо более долгой и глубокой истории американской филантропии, начавшейся еще в колониях.

Конечно, это стоящая работа, пишут либеральные рецензенты, но почему Занз с его особым почтением к современной «индустрии филантропии», как важному фактору социального благополучия американцев, почти не заметил, что большинство других развитых стран, сумели и без нее опередить США по таким важным параметрам благополучия как социальная мобильность, неравенство доходов, уровень здоровья и образования населения?

***

Книга Занза об американской филантропии 20-го века, вышедшая новым изданием в 2014 году, смогла лишь частично удовлетворить нужду в современном прочтении длившейся почти четыре века ее истории. И, значит, ее исследования будут продолжаться, причем, интерес к ней, как можно ожидать, усилится и за пределами США – среди ученых и практиков в других регионах и странах мира, где эта сфера проходит собственный процесс становления, возрождения или обновления[65]. В ее американском прошлом, они могли бы отыскать не только опыт, который стоило бы позаимствовать, но и тот, от которого нужно благоразумно отказаться.

О том, что у истории филантропии в Америке, возможно, открылось «второе дыхание» (хотя, судя по описанной выше *ее истории*, как определить, какое оно по счету?) говорит недавнее, в июне 2015, основание авторитетной группой американских историков специального блога, посвященного проблемам этой сферы – History of Philanthropy blog –

---

[64] См. *Q&A with Historian Olivier Zunz*, June 22, 2015 – на вебсайте HistPhil, посвященном истории филантропии – http://histphil.org/2015/06/22/qa-with-historian-olivier-zunz-2/

[65] Особенности и процесс развития «мировой филантропии» (в 26 странах, включая Россию, из различных регионов мира) подробно рассмотрены в *Palgrave Handbook of Global Philanthropy*, Pamala Wiepking and Femida Handy, editors, Palgrave Macmillan, 2015.

HistPhil[66]. И обнаруженного автором, к его сожалению, лишь когда настоящая вводная глава уже была практически закончена.

Здесь, как с энтузиазмом обещают его основатели и участники (в их числе упоминавшиеся ранее историки Стенли Кац, Дэвид Хаммак и Оливье Занз), собираются показать, что «прошлое может информировать настоящее и дать направление будущему филантропии». Во все времена, – пишут они, представляя новую «стратегическую площадку» для дебатов историков, – амбициозные доноры и разработчики новых моделей и проектов филантропии, обычно устремленных в будущее, редко оглядывались назад, чтобы узнать, как это делали раньше и, возможно, открыть для себя, что они повторяют пройденное, нередко ошибочное.

Однако у современной филантропии сложились особенно неопределенные отношения с собственной историей. Чуть ли не каждые пять-десять лет возникают приливы и отливы «Новой» и даже «Новейшей» филантропии. И это стало уже сложившейся традицией, продвигающей почти полный разрыв с благотворительностью прежних времен, кажущихся новым пророкам «темными веками». Между тем у древнего феномена филантропии столь долгое и извилистое прошлое, что в него нужно пристально и с терпением вглядываться, чтобы не заблудиться в поисках ее достойного и осуществимого будущего[67].

Имея все это в виду, основатели блога *History of Philanthropy* намерены представлять новые (и даже старые) работы по истории филантропии как академических ученых, так и практических деятелей, поскольку нужно показать не только, как ее исследуют, но и как ее делают. Они хотят, чтобы опыт прошлого был использован для решения современных проблем в бесприбыльном и филантропическом секторах, и с этой целью приглашают к сотрудничеству всех, кто заинтересован в их рассмотрении «через призму истории» – как из этих секторов, так и от групп и организаций за их пределами. Они намечают навести более прочные мосты между сообществами практиков и ученых, чтобы оценка истории возникающих проблем и ее обсуждение помогли тем и другим лучше понимать их истоки и способы решения.

Наконец, они ставят перед собой задачу создать общее «поле деятельности». Под ним понимается виртуальное сообщество людей, заинтересованных в истории филантропии – области исследований все еще рассредоточенной между другими дисциплинами и различными организациями. Отвечая на запросы такого сообщества, блог намечает регулярно отслеживать события, статьи и книги по истории филантропии. Среди них будут объявления академических издательств о новых публикациях, информация о программах предстоящих национальных конференций, о новых статьях в научных и профессиональных журналах. Обсуждение проблем истории филантропии на этом блоге намечается структурировать по ряду важных тем, а в их числе – «демократия и филантропия», «образование и филантропия», «афроамериканский опыт и филантропия», «окружающая среда и филантропия».

Примечательно, что уже в одном из первых выпусков блога опубликован исторический обзор Д. Хаммака, посвященный анализу различных волн научных исследований, затрагивающих темы филантропии и гражданского общества в последние два столетия. Так же, как новый призыв к широкому кругу историков, не раз звучавший в прошедшие полвека, всерьез войти в эту сферу, чтобы заняться специальным исследованием ее разнообразного и противоречивого, но до сих пор влиятельного прошлого[68].

---

[66] *Introducing HistPhil: A New Blog on the History of Philanthropy* – http://www.HistPhil.org

[67] Интересно, что с призывом оглядываться в прошлое филантропии обращается к «новым пророкам» тот самый ее историк Стэнли Кац, которого полтора десятилетия назад призывал к тому же, упрекая в «грехе забвения», Питер Холл, другой ее историк. Поистине, «ирония истории»…

[68] Waves of Historical Interest in Philanthropy and Civil Society – http://histphil.org/2015/06/24/waves-of-historical-interest-in-philanthropy-and-civil-society/

***

Если читатели познакомились с приведенным выше текстом, им, надеюсь, будет понятней растерянность почти незнакомого с темой автора, когда он в году 2005-м решился взяться за исторический раздел своей работы «О филантропии в Америке: от эры колоний до наших дней» (2013), издаваемый сейчас отдельной книгой.

И у него было не так уж много вариантов.

Можно было взяться за изложение классика Бремнера – его «American Philanthropy» (1960) в сочетании с его же живописной и богатой примерами «Giving: Charity and Philanthropy in History» (1994). Но его первая книга по интерпретации и стилю действительно была продуктом своего времени и, как выражались в советское время, по-настоящему «идейно выдержанная» в духе школы консенсуса. Пришлось бы в своем изложении хронологически и идейно дополнять ее, перебирая и выискивая нужные автору «зерна истины» в ежегодно нарастающем потоке монографий и сборников, статей и рецензий последующих авторов, чьи работы различались целями, подходами и стилем. При этом непременно, возникла бы трудно разрешимая проблема согласования различных, иногда противоположных, интерпретаций истории здешней филантропии

Но тогда почему бы не попытаться, – мог бы спросить кто-нибудь, – заново изложить историю филантропии в Америке, опираясь на огромный и разнообразный запас знаний, накопленных постбремнеровскими поколениями историков?

Однако ни первый, ни, тем более, второй вариант явно не был по плечу автору, не являющимся специалистом в этой области. Как о том свидетельствуют профессиональные историки, мнения которых приводились выше, у них, хотя по другим и гораздо более уважительным причинам, тоже пока еще не получилось.

Для популярного изложения истории филантропии в Америке от «эры колоний до наших дней» был использован более прагматичный и доступный автору вариант *исторического очерка (обзора)*, удачные примеры которых у американских историков упоминались выше.

В начале такого очерка автор счел необходимым рассмотреть религиозные и гуманитарные идеи, заложенные в фундамент этой сферы ее «отцами-основателями». Как раз здесь бремнеровская «Американская филантропия» оказалось наиболее полезным источником, дополняемым при необходимости новыми данными и комментариями.

В основу собственно исторического описания был положен ранее упоминавшиеся работы Питера Д. Холла, прежде всего, его обзор развития филантропии в США за 1600–2000 гг. Эта работа, будучи идеологически наиболее нейтральной из имеющейся литературы, отличается должной объективностью и прагматизмом, что вполне отвечает и подходу автора, принятому им при подготовке настоящей книги. Была использована хронологическая структура этого обзора – по главным этапам американской истории, как и привязанная к ним последовательность и оценка основных явлений и событий истории благотворительности и филантропии. Оказался также уместным и его концептуальный подход – полустихийное становление организационной и правовой структуры филантропии опиралось на идеи ее отцов-основателей и было, вместе с тем, неотделимо от эволюции политических, экономических и законодательных основ США.

Подобный комплексный подход позволил показать, что именно такой «слабо управляемый синтез» идей и организаций, политики и экономики образовал известный нам сейчас специфический феномен американской «индустрии филантропии». При необходимости разъяснить или дополнить материал обзора Питера Холла были использованы работы других американских историков, общеисторические источники и справочные материалы, на которые в тексте даны ссылки. Очерк развития филантропии и третьего сектора в период

правления Буша младшего и Обамы, материалы о котором отсутствуют в обзоре Питера Холла, подготовлен автором на основе последующих публикаций американских экспертов.

Начиная свой обзор, Питер Холл замечает, что «попытки создания систематической истории благотворительности, волонтерства и филантропии, этих стихийно выросших на „американской целине“ учреждений, весьма проблематичны. В лучшем случае это могут быть комментарии к хронологии появления и преобразования организаций, практик, концепций и меняющегося распределения коллективных целей между их публичными и частными исполнителями»[69]. С подобного рода историей сферы благотворительности, волонтерства и филантропии в Америке предстоит столкнуться и читателям настоящей книги.

[69] P. Hall, *A Historical Overview*, 2006, p. 33.

1. Европейские идеи и их развитие в Новом Свете

Вероятно, первым открытием, которое сделали европейцы, высадившись в Новом Свете, было то, что великодушие и щедрость могут быть присущи и «дикарям», незнакомым с заповедями ни Ветхого, ни Нового Завета. Описывая рождение благотворительности в Америке, ее историк *Роберт Бремнер* полагает, что первыми благотворителями в Америке следует считать индейцев с Багамских островов, встречавших Христофора Колумба щедрыми дарами[70].

В рапорте об этой встрече Колумб писал, что они были «простодушны и открыты» во всем, чем владели, и охотно отдавали все, о чем их просили, сопровождая каждый дар «такой любовью, как если бы отдавали свое сердце вместе с ним»[71]. Этот эпизод был лишь одним из многих свидетельств общечеловеческой природы благотворительности, с которыми затем неоднократно сталкивались первые европейцы на американской земле. И он особенно памятен на фоне последовавшей затем в течение столетий жестокости, испытанной индейцами от рук белых поселенцев, так и ответных акций, последовавших со стороны местных жителей.

Когда, однако, заходит речь об именно американской благотворительности, продолжает Р. Бремнер, то поначалу это был скорее импортный, чем выращенный на месте «продукт». Базовые принципы и организация как персональной, так и публичной благотворительности родились в Европе задолго до колонизации Америки. Будучи привезены сюда европейскими поселенцами, они еще долго находились под влиянием последующего европейского опыта и идей.

В течение нескольких столетий американские учреждения благотворительности искали и получали различного рода поддержку из-за океана и достаточно долго были копиями европейских образцов. Уникальность американской филантропии, ее политики, экономики и культуры, состоит, по мнению Бремнера, прежде всего, в том, что она, заимствуя европейский опыт, очень рано начала укореняться в местной почве, постепенно приобретая собственный облик.

Для понимания ее ранней истории следует иметь в виду, что век колонизации Северной Америки совпал с одним из самых значительных периодов развития европейской филантропии. Семнадцатый век отмечен началом героических миссионерских предприятий, возрождением интереса к благотворительным организациям, созданием в Англии государственной системы поддержки бедных за счет налогов, появлением множества ассоциаций для реализации целевых филантропических замыслов. Америка была особенно привлекательным полем приложения для многих из них, ибо, по выражению Бремнера, «открытие Нового Света задело как совесть, так и алчность Старого Света». Вот почему здешние колонии прямо или косвенно получили значительные выгоды почти от всех европейских филантропических инициатив.

В основе почти каждого проекта колонизации лежал – во всяком случае, декларировался – мотив филантропии. Здесь жили туземцы, которых следовало обратить в христианство, сюда можно было направить бедняков, где им можно было дать землю и работу, наконец, здешний дикий край следовало обеспечить институтами цивилизации, включая и благотворительность.

Вряд ли будет большим преувеличением сказать, утверждает, наряду с Бремнером, американский историк Дэниел Бурстин, что многие европейские монархи, аристократы и новые

---

[70] Robert Bremner, *American Philanthropy*, 2nd ed., University of Chicago Press, 1988Далее – R. Bremner, *American Philanthropy*,1988

[71] Там же, p. 5

богачи рассматривали американский континент, главным образом, как огромное поле для упражнений в благотворительности. Немалое число здешних благотворительных программ питалось иллюзиями никогда не бывавших в Новом Свете британских благодетелей. Ярким примером таких программ был управляемый из Лондона и бесславно провалившийся проект благотворительной колонии «всеобщего благоденствия» в Джорджии, описанный Д. Бурстиным в его знаменитой трилогии «Американцы»[72].

Оказавшись в своем подавляющем большинстве утопиями, эти программы потребовали полного пересмотра, привязки к реальным условиям и опоры на тех лидеров и членов общин, которые пересекли Атлантику, чтобы остаться жить здесь навсегда и создать на новом месте не просто иные, а лучшие общины, чем те, которые они покинули в старой Европе. Именно эти люди и были действительными отцами-основателями благотворительности американского типа[73].

***

Одним из них стал пуританский лидер *Джон Уинтроп* (1588–1649), выпускник британского Кембриджа, организатор и многократный губернатор колонии Массачусетского залива. Он направился за океан во главе переселенческой экспедиции в поисках места для создания совершенной пуританской общины – нового «Града на Холме», могущего служить примером для остального «христианского человечества». Одним из важнейших канонов новой общины стала мирская проповедь «Образец христианской благотворительности», произнесенная Д. Уинтропом в 1630 году перед своими единомышленниками на борту корабля «Арабелла», направлявшегося из старой в Новую Англию.

Благотворительность по Уинтропу должна быть больше синонимом раннехристианской любви, чем только помощью бедным. Его проповедь предлагала не просто иную схему благотворительности, а канон поведения христиан новой общины, заключивших новый завет с «пуританским Богом» и лишенных поэтому права его нарушать. В этой «обязанности любви», заявлял Уинтроп, мы должны без притворства, по-братски любить друг друга и нести груз взаимных забот, защищать не только лишь свои интересы, но и интересы наших братьев по вере.

Для Уинтропа, как и для последующих отцов-основателей американской благотворительности, неравенство в богатстве, условиях жизни и социальном статусе считалось установленным свыше и потому неизбежным. Он считал, что без сохранения естественного неравенства благоденствие общины может просто разрушиться.

Уинтроп был, вместе с тем, убежден, что богатство и знатность не даны человеку только ради него самого, их нужно использовать для прославления, позволившего все это Творца и для блага всех созданных им людей. Не следует поэтому бедным восставать против своих правителей и богачей, а богатым позволять угнетение бедных. Какие бы споры и протесты их неравенство ни вызывало, богатые и бедные существуют не для того, чтобы разъединять людей и вызывать их взаимную вражду, а для того, чтобы они, нуждаясь друг в друге, были теснее связаны братскими узами.

Не отрываясь от реальности, Уинтроп признавал, что неравенство членов общины, будучи весьма значительным уже со старта, может вызывать их недовольство и протесты. Однако, по его убеждению, в построенной на американской земле новой общине, они должны играть значительно меньшую роль, чем сплоченность его жителей, «как частей одного и того же тела», а их труд должен быть так же согласован «как труд одного человека».

---

[72] См. Дэниел Бурстин, *Американцы*, т. 1, М., Прогресс-Литера, 1993, сс. 94—131

[73] R. Bremner, *American Philanthropy*, 1988, p. 7.

Ради нашей общей цели – улучшить свою жизнь и больше служить Богу, полагал Уинтроп, публичные интересы следует возвысить над частными.

Однако его призыву к созданию еще одного утопического Града на Холме – как известно, его проектов со времен Нагорной проповеди Христа как до Д. Уинтропа, так и после него было предложено великое множество – не суждено было сбыться и в Новой Англии. Вскоре и в колонии Массачусетского залива возобладали конкуренция, индивидуализм и частные интересы, полностью подавить которые в пользу общины, конечно же, оказалось невозможным. Как писал позднее Роджер Уильямс, известный религиозный диссидент, очень скоро и в общине Уинтропа «явила свое лицо обычная мирская троица – Прибыль, Карьера и Удовольствие»[74].

И все же идеалы братского содружества Уинтропа никогда не были полностью отброшены в жизни общин Нового Света, создающих здесь начала новой нации и цивилизации. Им предстояло сосуществовать и соперничать с упомянутой «мирской троицей» всю их историю. Силы социального эгоизма и разобщения, сколь бы сильны они ни были в тот или иной период американской истории, никогда не возобладали полностью. Под влиянием идей своих религиозных и общинных лидеров, а также трудных условий жизни американцы в своих моральных размышлениях и социальном поведении всегда демонстрировали обязанности дружелюбия, братства и общинного долга, вошедшие, можно сказать, в их плоть и кровь.

***

На полстолетия позже Джона Уинтропа и созданной им пуританской общины свой религиозный эксперимент провел в Филадельфии *Уильям Пенн* (1644–1718) – лидер квакерской общины, одной из наиболее диссидентских протестантских сект.

Квакеры отвергают священников, обряды и таинства, даже крещение, предпочитая «переживание в себе Святого Духа», которым они, проповедуя в экстазе и озарении, делились с единоверцами, или «друзьями». Отсюда и их самоназвание – «Религиозное Общество Друзей». Квакеры считали, что истину следует искать не столько в Священном Писании как символе веры, сколько в голосе Божьем, обращённом к душе человека. Человек же способен воспринимать Откровение потому, что в каждом есть «Внутренний Свет» – часть Божественной природы, заложенной в человеке от рождения и борющейся с его греховной природой в течение всей жизни.

У. Пенн, английский аристократ и крупный землевладелец, основал колонию Пенсильвания («Лесистая Земля Пенна») и ее столицу Филадельфию («Город Братской Любви») в качестве акта религиозной благотворительности. Он создал ее по плану, разработанному еще в Англии, и на землях, дарованных ему английским монархом в счет его долгов отцу Пенна, морскому адмиралу. По замыслу Пенна колония должна была стать убежищем для гонимых на Британских островах и в Европе квакеров и других диссидентских сект. Его взгляды на мир, Бога, человека и их взаимоотношения во многом созвучны подходам Д. Уинтропа. Тот и другой порвали с официальной церковью и оба выражали религиозные и социальные идеи протестантства.

И все же их разделяло многое. Пенн, как и все квакеры, отвергал подчинение заданному канону и отличался веротерпимостью и миролюбием. Уинтроп же был доктринером и, будучи в Англии гонимым диссидентом, он нередко преследовал и изгонял инакомыслящих из своей тоталитарной общины. Чем, как известно, лишь способствовал основанию новых

[74] *Роджер Уильямс* (1603–1683) – пуританский лидер, изгнанный Уинтропом из Бостона за протесты против нарушения здесь свободы совести и мысли и основавший затем наиболее толерантную в религиозном отношении колонию Род-Айленд.

диссидентских поселений протестантов, как это было в случае с Р. Уильямсом и созданной им колонией Род-Айленд.

Многие социальные идеи Пенна, как и квакеров в целом, до сих пор оказывают влияние на гуманитарное мышление и практику американцев, а тем самым и на их благотворительное поведение.

Пенн заявлял, что квакерская религиозность не означает, как в католичестве, отвержение мирской жизни и осуждение ее «греховных» радостей. Он не видел конфликта между желанием духовно усовершенствовать себя и мир и стремлением просто жить лучше. А жить лучше означало следовать в повседневной жизни правилу умеренности – старательность, с одной стороны, бережливость, с другой. Добытые таким образом результаты улучшения жизни следует направлять на благотворительность и гуманные дела – не только по воле случая, каприза или по несчастью, а чистосердечно и всю жизнь.

Что особенно раздражало в квакерах не только ортодоксальную англиканскую церковь, но и протестантов-доктринеров, так это отсутствие границ между религиозной и повседневной жизнью. Религиозным смыслом были проникнуты все житейские события и поступки людей. Это означало, что жить надо просто, скромно и без роскоши, а с людьми быть честным, искренним и милосердным. Причем со всеми – независимо от знатности и богатства, канона веры и убеждений, расы и цвета кожи. Потому-то лишь квакеры имели в ту эпоху стабильно дружественные и деловые отношения с местными индейскими племенами и их вождями.

Как ни радикальны были квакеры в защите свободы совести, отвержении религиозной доктрины и иерархии, в сфере социальной они оставались консерваторами. Пенн, не меньше, чем Уинтроп, полагал классовые различия существенной частью Божественного замысла. Творец намеренно расположил людей в нисходящем порядке субординации и зависимости и велел людям его сохранять, опираясь на следующий завет: повинуйся высшим, симпатизируй равным, сочувствуй и помогай низшим.

Подобный взгляд не являлся, однако, изобретением ни квакеров, ни протестантства в целом. Таково было типичное представление той эпохи. Подход Пенна в исполнении этого канона отличался упором не столько на привилегии, сколько на ответственность, связанную с более высоким социальным рангом. Пенн истово, почти буквально, исповедовал концепцию служения, тщательно исполняя обязанности духовного наставника Общества Друзей и губернатора колонии, улаживая и контролируя исполнение всех ее проблем – на месте и за ее пределами, в Новом и Старом Свете.

Считают, что Уильям Пенн предвосхитил Бенджамина Франклина в его почитании усердия, бережливости и прочих экономических добродетелей, которыми в наше время награждают средний класс. Будучи практичным человеком, Пенн, конечно же, ценил деньги и их возможности, но считал, что Бог дал людям богатство, чтобы его использовать, а не копить.

Из всех грехов алчность была для него особенно нетерпимой, и он презирал людей, добывающих богатство любой ценой, чтобы затем лишь наслаждаться его владением и плодами. Подобное поведение, персонально бесчестное, наносило и социальный урон. Как можно накапливать все больше и больше, когда бедные и без того владеют столь немногим? Вслед за алчностью, Пенн осуждал расточительство, хвастовство и погоню за удовольствиями. Разве не были бы вполне обеспечены острые нужды бедных, если бы все деньги, выброшенные на роскошь и излишества, были обращены на публичные цели?

Хотя Пенн, периодически наезжая из Англии, провел в Филадельфии в общей сложности лишь четыре года, его труды, личное влияние и поступки оставили неизгладимый след в квакерской общине, а через нее почти во всех последующих гуманитарных и социальных движениях в Новом Свете.

***

И все же, по мнению большинства историков филантропии в Новом Свете, главным представителем идеального «творения блага», или «делания добра» (*англ*. – do-goodism) в колониальной Америке, считается не англичанин Пенн, а урожденный янки *Коттон Мэзер* (1663–1728). Его считают одной из ведущих фигур в истории американской благотворительности.

Он был представителем третьего поколения пуритан Новой Англии – правнук двух основателей Массачусетса, сын президента Гарварда и сам один из основателей Йельского университета. Мэзера, правда, больше помнят не по его благотворительной и ученой деятельности, а по активному участию в процессе «салемских ведьм». Либеральные историки до сих пор нередко зовут его за это «чудовищем пуританства», но сам он в этой акции никогда не раскаивался, потому что существование ведьм было тогда всеобщим заблуждением.

Однако помимо этой дурной славы – незаслуженной, как позднее, разобравшись, утверждали некоторые историки – Мэзер был человеком многосторонних научных интересов, стойким противником рабства, деятельным филантропом, а также наиболее плодовитым и эрудированным автором. Его перу принадлежит около 450 опубликованных работ, которые до сих пор используются как хроника и комментарии повседневной жизни и размышлений того времени. Наибольшую и самую долгую популярность приобрел его самый непритязательный труд – короткое эссе «О творении добра» (1710), ставшее своего рода «священным писанием» не только ранней, но и всей последующей американской благотворительности[75].

В этом эссе Мэзер в свободной манере, насыщенной библейскими аллегориями и практическими наставлениями, убеждал мужчин и женщин, индивидов и членов ассоциаций присоединиться к «вечному стремлению людей делать добро в этом мире». Свои советы он обращал к жителям пуританской общины всех родов деятельности – пасторам и магистратам, солдатам и ремесленникам, членам семей и соседям, отыскивая для каждого свои резоны и советы. Он писал: «Если какой-либо человек спрашивает: почему столь необходимо делать добро, то я обязан сказать, что такой вопрос не мог задать добрый человек». Мэзер, поклонявшийся, как и все пуритане, буквальным библейским заветам, а не их церковным толкованиям, полагал, что творение блага – это прежде всего долг человека перед Богом, как об этом сказано в Ветхом Завете, а не только средство спасения души, как следует из Нового Завета.

Мэзер, как и Пенн, придерживался ветхозаветной идеи о том, что Создатель, как владелец всего сущего, доверил человеку лишь управление всем на Земле и тот ответственен перед Создателем за его результаты. Поэтому нерадивый «управитель» будет наказан «хозяином», в том числе и за отказ быть милосердным с другими. Мэзер, по замечанию Бремнера, был вполне искренним, чтобы признать, и достаточно смелым, чтобы провозгласить, что «творение блага» есть сама по себе награда человеку. Ибо помощь несчастным – это не только честь и привилегия, это еще и «несравнимое наслаждение».

Не довольствуясь моральным наставлением, Мэзер перечисляет ряд мирских преимуществ, включая долгую жизнь и успех в делах, которые достигаются, если человек занимается благотворительностью. Стремление к добру со стороны сильных мира сего – таких же как все остальные служителей и должников Творца – это еще и мудрая политика, мягкий, но эффективный инструмент социального контроля. Благочестивые примеры, проникнутое моралью руководство, добровольческие усилия и частная филантропия – вот, по его мнению, те средства, что могут помочь гармонизировать конфликтующие общественные интересы.

---

[75] Cotton Mather, *Bonifacius: An Essay. To Do Good*, 1710 – In American Voluntary Spirit, Brian O'Connell, ed., New York, 1983, pp. 45–48.

Сам Мэзер был весьма деятельным филантропом, жертвуя свои деньги, время и силы на разнообразные общинные нужды. Масштабы его собственных пожертвований были столь велики, что могли заменить деятельность солидного благотворительного общества. Но его подлинный вклад в практику филантропии состоит в признании острой нужды в создании благотворительных ассоциаций, объединяющих усилия одиночек в «творении добра».

У Мэзера была особая позиция в защите бедных. Как это свойственно пуританской этике, он призывал к особой осторожности в раздаче милостыни. «Давайте делать добро так же расчетливо, как грешник творит зло» – таков был его излюбленный призыв. Он считал, что жертвовать разумно – это еще более важная обязанность, чем жертвовать щедро. А отказывать в помощи тем, кто ее не заслуживает, так же необходимо и милосердно, как и помогать тем, кто в ней истинно нуждается.

Мэзер, как многие истовые пуритане конца 17 века, был озабочен тем, что с потерей массачусетской общиной начального потенциала веры и морали, стало исчезать трудолюбие и расти число ленивых и бездеятельных. Боясь, что избыток милосердия развратит бедняков, он призывал своих слушателей и читателей помнить, что объект их щедрости – это те бедняки, которые не могут работать. Но для тех, кто может и не хочет, щедрость состоит в том, чтобы излечить их от лени: найти им работу, приучить их работать, удержать их на работе. И лишь затем следует жертвовать им столько, сколько каждый щедрый человек в состоянии отдать.

***

Самым известным почитателем эссе Мэзера о творении добра был *Бенджамин Франклин* (1706–1790) – один из отцов-основателей США и ещё один видный вдохновитель идей и практики американской филантропии. На склоне лет он писал сыну Мэзера, что всю жизнь поверял этим сочинением свое и других людей поведение. Он всегда придавал большую ценность в человеке его склонности делать добро, чем каким-либо другим чертам его репутации. И если его самого считают в общине полезным гражданином, писал о себе Франклин, то причина тому – влияние этой вдохновляющей книги.

Идеи, сочинения и деятельность самого Франклина лежат в основании не только филантропии. Они считаются одним из истоков ценностей и национального характера американцев, ибо соединили в себе принципы пуритан – склонность к сбережению, упорному труду, образованию, общинному духу и самоуправлению. А также оппозицию авторитаризму с опорой на рациональные и толерантные представления эпохи Просвещения.

Как выразился один из современных историков, во Франклине смогли слиться добродетели пуританизма без его дефектов и свет Просвещения без его лихорадки. Если говорить о «творении добра», то во Франклине-филантропе, выросшем и до 17 лет жившем в Бостоне, а всю остальную жизнь проведшем в Филадельфии, удачно сочетались требовательная забота пуритан и деловое милосердие квакеров. Отсюда вытекают существенные различия взглядов Франклина с идеями как Пенна, так и Мэзера.

Пенн требовал, чтобы избыток богатства – вместо его алчного накопления или безумного расточения – шел на нужды бедных.

Мэзер мечтал о городе, в котором на двери каждого дома будет прибита кружка для милостыни с надписью – «Думай о бедных».

Франклин, однако, размышлял об обществе, в котором не будет бедных и, значит, будет минимальна нужда в благотворительности.

Франклин происходил из совсем иного социального слоя (сейчас бы его отнесли к среднему классу, даже к нижним его сегментам) и обращался к другой аудитории, чем его предшественники почти сто лет тому назад. Он всегда помнил о своем скромном происхождении, трудном детстве и юности (он был пятнадцатым из семнадцати детей своего отца, свечника

и торговца) и нелегком пути наверх (до конца жизни, даже на самых высоких постах, включая дипломатические, он подписывался «Б. Франклин, печатник»).

Эта особенность его образа мыслей особенно отчетливо проявилась в издаваемом им четверть века (с 1732 по 1758) ежегоднике «Альманах бедного Ричарда», бестселлере конца колониальной эпохи. В нем, кроме новостей и поучительных историй с продолжением, разнообразных и полезных сведений для рабочих, ремесленников и деловых людей, Франклин (под псевдонимом «бедный Ричард») печатал практические советы насчет бережливости и предприимчивости.

Здесь же публика находила ставшие впоследствии знаменитыми афоризмы-поучения (такие, как «Время – Деньги», «Одно Сегодня стоит двух Завтра», «Нет приобретений без потерь»), составившие позднее сборник «Путь к богатству», весьма популярный по обе стороны Атлантики. Наставляя своих читателей в трудолюбии и бережливости в деле, как и умеренности в жизни, Франклин тем самым проповедовал не столько духовные ценности, сколько здравый смысл и мирской успех.

Но, как замечает Бремнер, Франклин своими наставлениями не просто звал становиться богатым. Его «Путь к богатству» был скорее дорогой благоразумия и тем самым средством к материальной независимости. «Будь трудолюбивым и свободным», «Будь бережливым и независимым», в том числе и от благотворительности – таков общий смысл афоризмов «бедного Ричарда».

Справедливость подобного толкования Франклин подтвердил собственным опытом. В относительно молодом возрасте он стал финансово независимым, а в 42 года он продал свое печатное предприятие, чтобы всю оставшуюся жизнь посвятить служению обществу (не его ли примеру спустя полтора столетия последовал Карнеги, а еще спустя сто лет – филантрокапиталисты наших дней?).

Но еще до этого он начал заниматься тем, что проповедовал другим, исходя из своей сентенции – «досуг – это время, когда нужно делать что-нибудь полезное». Конечно, он посвящал свой досуг, прежде всего, укреплению своей репутации, самообразованию и изобретательству, но овладев всеми их плодами, он делился ими с другими. Известно, что Франклин не патентовал и не искал прибыли от своих технических изобретений, предоставив всем возможность ими пользоваться[76].

Идеи и деятельность Франклина, более того – вся его жизнь означали для американской благотворительности постепенную смену вех. Он первым в Америке внес в нее гражданский дух, сместив акцент с благочестивых деяний и персонального милосердия на общественное благополучие и создание в этих целях благотворительных учреждений.

Последние он вооружил изобретенными им приемами сбора пожертвований. В наиболее известном из этих приемов, широко используемом до сих пор (matching donations, или дарения в соотношении 1:1), он предложил стимулировать сбор пожертвований у населения на важное для общины дело тем, что местные власти или крупный донор жертвуют столько же, сколько соберут в общине. И чем она больше соберет, тем большей будет общая сумма. Именно Франклин сформулировал классическую методику фандрайзинга: *сначала обратитесь к тем, кто, по вашему убеждению, даст немного; далее, к тем, в ком вы не уверены, и покажите им список первых; наконец, не пренебрегайте теми, которые, как вы считаете, не дадут ни пенса – в некоторых из них вы можете ошибаться*.

Ряд историков предостерегает от опасности слишком модернизировать Франклина – человека и мыслителя 18-го века, приписывая его взглядам и делам черты филантропии 19-го и даже 20-го века. Другие историки, однако, говорят, что у Франклина можно найти идеи

[76] См. *Autobiography of Benjamin Franklin*, CreateSpace, 2011.

и практические образцы, ставшие позднее в США характерными для просвещенной социальной политики и конструктивной филантропии.

Так, предотвращение бедности всегда привлекало его больше, чем ее облегчение. Он призывал отменить «Законы о бедных» с их полурабскими работными домами, принуждением к труду и наказанием или изгнанием нищих – те британские законы, что были импортированы большинством американских колоний. Он призывал отменить их на том основании (особенно понятном тем, кто знаком с нынешним американским вэлфером), что публичная поддержка нуждающихся таит в себе еще большую угрозу консервации бедности и даже обнищания, чем традиционная милостыня. Первая достается легче и к ней привыкают быстрее, чем ко второй.

Франклин в этом вопросе ушел дальше Мэзера, который лишь предупреждал о злоупотреблении частной благотворительностью. Считают, что его новый подход к бедности предвосхитил идеи «научных филантропов» и реформаторов 19-го века. Франклин писал, что он за помощь бедным, но имеет другое мнение о том, как это делать. Он считал, что лучший способ делать добро для бедных – не облегчать их пребывание в бедности, а выводить их из нее убеждением или изгонять принуждением. В любом случае Франклин считал, что вместо обращенных к бедным заклинаний о самоподдержке следует создать условия, при которых человек будет способен обеспечить себя сам.

***

Благотворительная практика самого Франклина была весьма обширна и разнообразна и в большинстве случаев следовала указанным принципам.

В 1727 году, совсем молодым, он с группой друзей (среди них – печатник, стекольщик, землемер, сапожник, торговец, клерк) создает Джунто (Junto в переводе с совр. англ. – тайный союз), называемый нередко «Клубом кожаных фартуков». Считается, что опыт этого клуба, представлявшего собой добровольное общество взаимного совершенствования и поддержки его членов, проложил дорогу к созданию Франклином первой масонской ложи в Америке. Члены Джунто начали свою деятельность с обсуждения интересовавших их тем по философии, морали, экономике и политике и продолжили объединением своих книг в клубной библиотеке (1731). Вскоре она стала доступной для широкой публики и тем самым явилась, как нередко считают, первой публичной библиотекой в Америке.

Вслед за этим по инициативе или при поддержке Франклина последовала целая серия других публичных проектов. Он основал первое добровольное общество пожарников, предложил проект мощения, очистки и освещения улиц в Филадельфии и план управления городом. К его филантропическим заслугам также относят организацию в Филадельфии (1743) Американского философского общества – главного тогда интеллектуального центра Америки. Его членами в 18 веке были все выдающиеся американцы той эпохи – от Джона Адамса и Джорджа Вашингтона до Томаса Пейна и Томаса Джефферсона. В его зарубежных членах состояли маркиз де Лафайет, Екатерина Воронцова-Дашкова, Тадеуш Костюшко, а в 20 веке его членами были 200 нобелевских лауреатов по различным областям знаний. На счету Франклина числится также основание первого в Америке госпиталя (1751) и Академии, ставшей впоследствии Пенсильванским университетом. Спустя столетие из средств, оставленных им в завещании, в Бостоне, на его родине, был основан технический институт.

Франклин, как известно, был крупным политиком, который сыграл исключительную роль в создании и защите молодой американской республики везде, где он работал на ее благо – в Америке или в Европе. Не менее важна, как мы видели, и его роль в становлении американской филантропии. Своей социальной деятельностью он продемонстрировал весьма важное для нее качество. Он показал, что самопомощь и независимость, предписы-

ваемые обычно для индивидов, могут быть с равной эффективностью применены для всего общества.

Не Франклин, отмечает Бремнер, открыл ассоциации и добровольчество как способ улучшения социальных условий. Но он больше, чем какой-нибудь другой американец до него, показал возможность, полезность и особую уместность этих методов в американских условиях.

2. Филантропия в колониях и после революции

Колониальная эра

Благотворительные учреждения первых европейских поселений в Северной Америке развивались по-разному в зависимости от правовых и религиозных традиций стран, из которых сюда прибыли их жители. Французы и испанцы были посланцами своих монархов и Папы Римского и правили здесь от их имени и с помощью их законов и указов. В то же время англичане поселялись в колониях, основанных акционерными компаниями – Массачусетс и Нью-Йорк, или базировавшихся на праве частного владения – Пенсильвания и Нью-Гемпшир.

Право на основание тех и других было обеспечено королевскими хартиями и в них содержалось требование соблюдать британское законодательство. Но поселенцы из Англии, будучи, как правило, религиозными диссидентами, перебрались за океан в поисках самоуправления и образа жизни, диктуемого принципами разных ветвей протестантства.

Самоуправление было желанной целью общин и в колониях, основанных самой британской короной (Вирджиния и обе Каролины), где назначенный ею губернатор вынужден был считаться с избираемой жителями законодательной Ассамблеей. К тому же, английские поселенцы привезли с собой и активно использовали богатое наследие корпоративного самоуправления на их родине, начиная от Великой хартии вольностей (1215) до законов и обычаев, составивших после гражданской войны середины 17-го века в Англии ее «манифест прав человека и гражданина».

Вот почему поселения и городки колониальной Америки были самоуправляемыми объединениями – муниципальными корпорациями. Их жители, будучи членами таких корпораций, избирали свой городской совет, принимавший местные законы. Церкви, даже католические, управлялись советами дьяконов, старейшин или прихожан, избранных их конгрегациями. Некоторые колледжи и университеты, такие, как Гарвард (1636), Колледж Уильяма и Мэри (1693), Йель (1701), Колумбия (1754), Браун (1764), Дартмут (1769) управлялись самообновляемым советом попечителей, куда входили также наблюдатели со стороны научного сообщества.

Будучи в ряде случаев противниками католической и англиканской церквей и стремясь во всех случаях к самоуправлению, правители колоний, вместе с тем, не хотели ссориться с британским монархом, чья власть в их глазах установлена волей Божьей. Вплоть до середины 18 века и там, где к этому не вынуждали особые условия жизни в Новом Свете, главы колоний старались быть законопослушными подданными короля. Тем не менее, они всегда стремились строить местные законы согласно своим религиозным, политическим и социальным взглядам.

В колониях Массачусетса и Коннектикута, организованных как унитарные пуританские конгрегации, а также в англиканской (и тоже унитарной) Вирджинии, где церковь содержалась на налоги своих членов, а диссидентам запрещалось исповедовать свою веру с угрозой изгнания или казни – во всех этих колониях религия, как правило, определяла единую и весьма жесткую политику правительства. Между тем в конгрегациях Пенсильвании и Род-Айленда, где господствовала религиозная терпимость, были более развиты самоуправление и самопомощь.

Считается, что развитая автономия конгрегаций в колониях, особенно ярко проявившаяся в деятельности квакеров и Б. Франклина, предвосхитила статус волонтерских ассоциаций Америки 19-го века, но процесс этот был долгим и извилистым. Хотя жители коло-

ний и были знакомы с такими формами коллективных акций как корпорация и ассоциация, последние до середины 18-го века еще не получили широкого распространения.

Даже такие по сути корпорации как Гарвард и Йель формально считались в то время правительственными учреждениями, ибо получали финансовую помощь от пуританских властей. Причем через них и под их контролем в эти колледжи шли и благотворительные пожертвования частных лиц.

Одной из причин тому был недостаток властных полномочий и правовых знаний для разработки и утверждения полноценных уставов колледжей. Колонии еще долго не имели своих юристов. Другой причиной, как это поначалу ни покажется странным, был страх перед появлением независимых организаций, особенно тех, что могли бы распространять иной символ веры. Лишь к середине 18-го века стали появляться добровольческие ассоциации типа «Джунто» Франклина, но их попытки формализоваться с получением своего самоуправленческого устава твердо отвергались.

Если в Англии ответственность за благотворительность и образование несла, главным образом, местная власть в союзе с церковными приходами, то в колониях эта деятельность оформлялась по-разному. В Вирджинии, как и в метрополии, бедные и безграмотные были на попечении церкви, тогда как в Новой Англии их поддерживали местные власти.

В крупных городах, таких как Нью-Йорк, Бостон и Филадельфия, городские власти создавали специальные учреждения – дома призрения для поддержки нуждающихся и инвалидов. Из них затем выросли первые госпитали Америки, как это произошло много ранее в средневековой Европе и в самой Англии. Среди них – госпиталь Бельвью в Нью-Йорке, старейший в Новом Свете (1731), и Пенсильванский госпиталь (1751), к появлению которого приложил руку и деньги Б. Франклин.

Исследуя особенности правовой практики того времени, в том числе и в сфере благотворительности, *Питер Холл* обращает внимание на то, что законодательство колоний еще не проводило четкой границы между частным и публичным статусом. Нередко ассоциации того времени, будучи частными по характеру, поскольку были организованы снизу и на добровольной основе, брались по поручению колониальных или местных властей за исполнение публичных функций. Так, они обеспечивали общественный порядок, тушили пожары и боролись с эпидемиями, обучали неграмотных и помогали бедным. Наконец – и это могло быть не менее, если не более важным занятием – несли ответственность за религиозные службы.

Чтобы экономно расходовать собираемые с жителей налоги, власти нередко возлагали заботу о бедных, больных и неграмотных на семьи, которые могли это делать при минимальных расходах. В поселках Новой Англии, например, бедных и других иждивенцев распределяли по семьям на аукционе – их получали те семьи, что предлагали самые низкие подушные расходы. Если церкви поддерживались налогами, им же поручали их собирать, а самые ранние дома призрения отдавались в управление тем, кто брался за это при наименьших затратах[77].

Несмотря на это смешение частной и публичной сфер, в колониях начала складываться, в дополнение к значительным пожертвованиям из-за океана, традиция местной благотворительности частных лиц и поначалу в весьма скромных размерах.

[77] P. Hall, *A Historical Overview*, 2006, pp. 33–34.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.